Запертая дверь

Автор:
Александр Варго

Запертая дверь

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

Артему Тихонову достался в наследство дом, в котором двенадцать лет назад при странных обстоятельствах погибла его мать. Дом в ужасном состоянии, повсюду грязь и запустение. Артем не собирается тут жить. Он хочет сделать ремонт и продать дом. Но едва он приступает к работе, как начинают происходить страшные и необъяснимые вещи, напоминающие полтергейст. Артем, чтобы не сойти с ума от страха, приглашает погостить друзей. Молодые люди принимают приглашение, и очень скоро вся компания погружается в кошмар. Тогда и становится ясно: в доме обитает кто-то чужой…

Александр Варго

Запертая дверь

Пролог

Андрей в последнее время напивался быстро и отключался в разных непригодных для ночлега местах. Сегодня ему повезло больше, чем, к примеру, вчера. Он проснулся на скамейке в помещении. И это уже было неплохо. Пока глаза привыкали к темноте, Андрей пытался вспомнить хоть что-нибудь из происходившего накануне. По какому поводу, так сказать, пили, за какие деньги

и в какой компании. Как ни странно, ему сейчас казалось, вспомни он хоть что-нибудь из этого списка, то тут же сообразит, где ему посчастливилось заночевать. Но в голову ничего не шло. Вместо воспоминаний о вчерашнем дне в голову лезло черт знает что. Лезло то, о чем он избегал думать вот уже больше десяти лет. Избегал, но не получалось. Как только он оставался наедине сам с собой, одолевали тяжелые мысли. Единственным выходом был алкоголь.

В тюрьме он спасался общением с людьми и работой. Он стремился к самой тяжелой работе, чтобы прийти и, не дожидаясь отбоя, вырубиться до утра. На свободе у него такой работы не было, здесь у него вообще никакой работы не было. Вот тут и начались его реальные страдания. Совесть, беспощадная, кровожадная, рвала душу изнутри. Андрей еще там, в тюрьме (до того как тяжелая работа вытесняла все мысли), думал о неправдоподобной ситуации, в которую он попал. Конечно, об этом он в последнюю очередь думал, да и сейчас считал кощунством думать о подобном, когда… Когда тебя обвиняют в преступлении, которого ты не совершал, – это беда. Но когда это преступление – убийство твоей жены, это конец света. Ты в одночасье теряешь все. От тебя отворачиваются друзья и родня. Собственная мать наравне с родителями жены желает твоей погибели. Горе от утраты, боль от вопиющей несправедливости, все это в тусклом свете загаженной мухами лампочки под храп сокамерников выжигало его нутро, и он начинал думать о побеге, о мести, о чем угодно, только не о смерти жены.

«Беглец» с Харрисоном Фордом в главной роли. Эта картина первой пришла на ум. Жена убита, мужа обвиняют в убийстве и отправляют в тюрьму. Герой бежит, чтобы найти настоящего убийцу. А? Сюжетец! Один в один. Только не совсем так. Герой Форда до самого конца не знал, кто убийца, а Андрей знал и даже видел его. Только кто поверил бы ему? Так что смысла сбегать не было. К тому же это только в кино, и исключительно американском, беглеца оправдывают. В жизни подобные маневры заканчиваются в лучшем случае новым сроком, ну а в худшем… А может, ему и нужен худший? Зачем ему жить без жены и сына, без друзей и свободы? И если обрести друзей и свободу у него был шанс, то Надю уже не вернуть, а Артем и сам не захочет видеть отца. Андрей обдумывал худший вариант как выход. На самоубийство он пойти не мог, оставалось, что называется, лезть на рожон. Но один старый зэка вовремя вразумил его. Мол, нарваться на пулю вертухая – это лучшее развитие событий, но так бывает не всегда, а именно почти никогда. Поимка и карцер. А карцер – это одиночество и мысли, мысли. Мысли, черт бы их побрал! Вот тогда Андрей и решил, что работа если не убьет его, то хотя бы отвлечет от мыслей, от встречи с собственной совестью.

Десять лет он был примерным зэка, не лез на рожон и не бузил. Когда вышел за ворота ИТК, мысли, словно рой пчел, закрутились в голове. И одна из них была особенно назойливой. Мысль о том, что он тоже скоро умрет. Причем точно так же, как и его жена. В тот же вечер он напился. Кстати, именно тогда Андрей и понял, что, пока он под действием алкоголя, с ним ничего не случится. О схожести своей судьбы с судьбой главного героя «Беглеца» он больше не вспоминал. Беглец. Андрей прекрасно понимал, что, по сути, является беглецом, только вот бежал он по кругу. И чтобы его догнать, бежать за ним не надо. Нужно просто остановиться, и тогда он сам придет в руки преследователя.

Похоже, тот, кто убил Надю, об этом знал. Пришла очередь Андрея.

Он еще раз осмотрелся. Глаза привыкли к темноте, но он так и не смог узнать помещение, в котором находился. Он сидел на деревянной широкой скамейке. В помещении пахло сыростью. Андрей сразу же подумал о бане и тут же ощупал себя. Одежда была на месте, да и в бане он никак не мог оказаться. Свою он заколотил, а в чужой оказаться… Он не общался даже с соседями, и собутыльник у него был всего один – он сам. Со своего двора Андрей выходил только в магазин на двадцать пятой шахте, к Лидке. Разгрузить товар да получить за это паек – бутылку, хлеб и пару банок консервов. Однажды, правда, Лидка, сжалившись, дала пятилитровую бутылку спирта. Вот его-то Андрей в последние дни и допивал. В общем, попадание в баню Андреем не было запланировано.

Он встал. Что-то с грохотом упало на пол. Таз или ведро. Одновременно с грохотом он услышал, как кто-то пробежал в раздевалке. Теперь он был уверен, что находится в собственной бане. Андрей замер, прислушиваясь. Снова кто-то пробежал. Только теперь у него за спиной. Он резко обернулся. Никого. Впрочем, даже если бы он захотел, то не смог бы ничего увидеть дальше полутора метров от себя. Вот это и напрягало. Он до боли в глазах всматривался в мазутную тьму. Андрей никого не увидел. Он почувствовал. К застоявшемуся воздуху с запахом плесени добавился еще один аромат. Вонь щекотала ноздри, проникала внутрь и заставляла желудок сжаться. Горький комок желчи подкатил к горлу, но тут же опустился назад, оставляя неприятный вкус во рту. Запах был такой, как будто в комнате кто-то умер в куче навоза. Кто-то очень большой. Но самое жуткое было то, что он следил за Андреем. Мертвый или живой, но он сейчас следил за человеком из своего вонючего угла.

– Кто здесь?

Слова слетели с языка и утонули во тьме. Андрей даже не понял, произнес он их или нет.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Ответом был всплеск. Словно рыба подплыла к поверхности, взмахнула хвостом и устремилась ко дну. Андрею стало страшно. По-настоящему страшно, но не от всплеска. Он испугался места, в котором он по недоразумению оказался. Опрокинутый тазик, запах сырости, всплеск воды, деревянная лавка – кусочки одного пазла. И после того как он их сложил, его взору предстала незавидная картина. Он ночевал в бане. В заколоченной бане, к которой он не подходил даже днем.

Андрей начал отступать к двери, ведущей в раздевалку. Он боялся повернуться спиной к тому, кто плещется в углу. Вдруг он осознал, что тот, кто здесь присутствовал, затих. Причем тишина стала такой же густой, как тьма. Будто это две злобных сестры и они что-то затеяли против человека. Но следующий звук заставил Андрея резко обернуться. Звук доносился из раздевалки. Темнота отступила вместе с тишиной. Андрей хорошо видел раздевалку в проеме двери.

Кап…

В обычной ситуации в дневное время он бы и не обратил внимания на капающую воду. Но сейчас и здесь…

Кап…

Словно выстрел.

Кап…

Андрей напрягся.

Кап…

Волосы на затылке зашевелились, когда он понял, что увидел каплю. Пренебрегая всеми законами, вода капала слева направо по горизонтали.

Кап. Кап…

Капли начали падать (падать ли?) чаще. Кап-кап, пауза. Кап-кап, пауза. Паузы становились короче, а потом и вовсе исчезли. В раздевалке начался дождь. Необычный ливень от стены к стене. Андрея не пугала сама вода, его пугала неизвестность. Обзор горизонтального дождя ограничивался проемом двери. Что происходило за стеной, оставалось только догадываться. Он сделал шаг к двери, и дождь перестал. Андрей замер. Из раздевалки не доносилось ни звука. Андрей понял, что стоит в неудобной позе, вытянув шею вперед. Он встряхнулся и шагнул в раздевалку. Сначала посмотрел налево – стена без единого пятнышка, потом направо. В глубине души он очень хотел, чтобы правая стена тоже оказалась сухой. Горизонтальный ливень можно было списать на галлюцинации. Все произошедшее можно было списать на что угодно, лишь бы сейчас не обнаружить следов. Но они были. Эти чертовы следы, указывающие на реальность происходящего, были в двух метрах от него. Реальность? К черту реальность! Андрей чувствовал себя как в кошмарном сне. Во сне, после которого ему не суждено проснуться. На стене справа была вода. Андрей даже развернулся и, позабыв об осторожности, подошел к водяной занавеске. Именно, перед ним был занавес. Будто он смотрел через водяной покров на дно водоема. Дно-стена была совсем рядом, сантиметрах в двадцати от поверхности, но из-за преломления лучей это видение было обманчивым. Рука скорее рефлекторно коснулась водяной шторы. Пальцы погрузились в прохладную жидкость. Андрей понимал, что перед ним вода, но ощущение было такое, будто он окунул пальцы в прохладный мазут.

Он резко отдернул руку, когда почувствовал слабое движение. Что-то или кто-то коснулся верхних фаланг среднего и безымянного пальцев. Андрей пытался рассмотреть, что происходит внутри… водоема. Снова движение. Только теперь он увидел его. И тут же помещение наполнил запах, букет ароматов – прокисшей мочи, пота и разложения. Причем ни один из запахов не доминировал, будто носитель этих ароматов умер, вспотел и обмочился одновременно.

Паника вновь охватила Андрея. За ним кто-то следил, только теперь из-под толщи воды. Еще не видя угрозы, он почувствовал ее, шагнул назад, но было слишком поздно. Вода взорвалась перед его лицом, и что-то скользкое схватило за шею. Андрей попытался вырваться, развернулся, несколько раз дернулся.

Водяной занавес закрылся перед его лицом, влажная прохлада покрыла все тело. То, что сжимало его шею, надавило еще сильнее, и пузырьки воздуха, вырвавшись из искривленного рта, торопливо поднялись к поверхности. Андрей с какой-то тоской проследил за ними и понял, что не может дальше сопротивляться. Перед тем как его взор потух, он увидел сквозь прозрачную, как слеза, воду звездное небо и края вагонетки. Баня исчезла. Последний пузырек воздуха соскользнул с посиневших губ и, разделившись на несколько мелких, устремился к поверхности, но Андрей уже этого не увидел.

Глава 1

Артем не был в родительском доме лет с десяти. Если честно, то и сейчас особого желания возвращаться туда у него не было. Он все еще винил отца в смерти мамы. Даже теперь, после того как он узнал, что его отец умер, он не простил его и от этого чувствовал себя очень скверно. Отца он не видел с того самого момента, когда его забрала милиция. Тема смутно помнил тот день. По сути, он не помнил ничего, кроме официальной версии. Андрей Федорович Тихонов на глазах своего десятилетнего ребенка в порыве ревности утопил в ванне жену – Надежду Дмитриевну Тихонову, в девичестве Дроздову. Но было еще что-то. Артем не мог вспомнить – что, но оно было. Оно засело острой занозой в его мозгу.

Тихонов вышел на автостанции в шесть тридцать и сразу же направился к маршрутным такси. До Подлесного было минут пятнадцать езды на маршрутке.

Уже сидя в «Газели», он понял, что боится возвращаться в тот дом. Боится и не хочет. Смерть матери просто неприятным моментом не назовешь. Это жесткий перелом в жизни, тем более если ты прожил всего десять лет. Тема не помнил, что чувствовал тогда, но эти чувства наверняка не сравнимы ни с какими другими.

Он вышел у магазинчика из красного кирпича. В этом поселке мало что строили из кирпича. В основном дома были выложены из бревен, предназначенных для сооружения подпорок в туннелях местных шахт. Кирпичными были только муниципальные объекты, и то не все. Этот магазин был когда-то государственным. Тема не застал этого сказочного времени. Он родился в год,

когда с великой державой было покончено. Но каждый взрослый в его семье просто считал своим долгом рассказать маленькому Теме о том, как было хорошо тогда и как плохо сейчас. Артему сравнивать было не с чем, поэтому ему было все равно. Плохо ли, хорошо, но он жил. Жил, потеряв в один день обоих родителей.

Внутри магазин за двенадцать лет мало чем изменился. Разве что по правую руку от двери стоял красный шкаф Coca-Cola, а по левую терминал оплаты, у которого топтался мужик с голым торсом.

– Лидка, что у тебя с техникой? – Мужик ударил ладонью по сенсорному экрану.

Продавщица, судя по всему, она и была Лидкой, встала из-за прилавка. В руках у нее была пилка для ногтей, кажущаяся мизерной в ее пухлой руке. Но видя, как заблестели ее глаза, Артем решил, что пилка в ее руках могла стать смертельным оружием. Видимо, мужик у терминала почувствовал угрозу спиной, потому что он резко обернулся и попытался исправить ситуацию.

– Лидок, ну не фурычит твоя техника…

– Хера ты тут своими клешнями размахался, слизень засушенный?!

– Ну не фурычит же, ну… – Мужичок боком продвинулся к выходу.

– А ну давай, дергай отсюда. Верке своей по заднице будешь стучать!

Мужик последних слов уже не слышал. Он выбежал на улицу, схватил велосипед и, спотыкаясь, помчался к тропинке, ведущей в лес.

– Чего вам?

Пилка для ногтей блеснула в пухлой руке. Артем попятился.

– Мне бы хлеба и… – Тихонов осмотрел полки с консервами.

– Зрелищ? – выпалила Лидка и хохотнула.

Тема улыбнулся в ответ, скорее из-за боязни быть проткнутым маникюрным инструментом в богом забытой деревне.

– Сардины в масле, килька в томате и сайра…

– Скока вешать в граммах?

Неуместный вопрос сбил стройный ряд мыслей Артема, и он, не найдясь с ответом, просто посмотрел на продавщицу, резвящуюся, словно подвыпивший подросток.

– Расслабься, городской. Это шутка юмора такая. Сколько банок?

– По одной, – сказал Артем и зачем-то кивнул.

Лидок выставила перед Тихоновым три банки консервов и посмотрела в глаза Артему. Он поспешил отвести взгляд.

– А можно еще шпроты?

– А ты гурман, городской. – Женщина снова хохотнула. – Для тебя – хоть омара в ананасах. – Она развернулась, вильнув массивным задом, и достала банку с черной этикеткой.

Тема расплатился, не решаясь посмотреть продавщице в глаза.

– Ну, ты заходи… – В ее руке опять блеснула пилка.

Артем снова попятился. Спасение пришло неожиданно.

– Лидочик, хлебушек свежий?

В магазин вошел мужчина в бейсболке с логотипом LG.

– Бери, всяко свежее того, чем вы закусываете.

Уже у двери Артем услышал:

– Что ты его жмакаешь, мудак?! Ляжки своей Тоньке будешь жмакать!

«Похоже, она знает о сексуальных предпочтениях каждой семьи в этом населенном пункте», – подумал Тихонов и вышел на тропинку.

* * *

Все течет, все меняется. Но есть некоторые вещи, на которые время повлиять ну никак не может. К этим вещам относятся воспоминания о детстве. Хорошие они или плохие, неважно. Они все равно останутся счастливыми. Почти все. До той проклятой ночи, так точно все.

Артем прошел по бетонной дорожке, мимо трех высоких берез, мимо песочницы, сделанной когда-то для него. Странное чувство не покидало, и он наслаждался им. Чувство, будто вернулся в свое детство.

Он прошел под лестницей, приставленной к крыше, и улыбнулся. Железная лестница теперь не отличалась той новизной, что двенадцать лет назад, но, как и тогда, являла одно целое с домом. Она будто вросла в дерево чердака с одной стороны, а в газон – с другой.

Сарай, словно гордый старец, не желающий мириться со своим возрастом, молодился. Выглядел хреново, но пока стоял на своих ногах (или что там есть у сараев). Пожалуй, только он и портил всю картину возвращения в счастливое детство. Чувствовалось, что хозяева уделяли сараю меньше всего внимания.

Тихонов инстинктивно напрягся, когда взглянул на огромную будку у сарая. Даже огромный пес Цербер не мог омрачить воспоминаний. Он скорее прибавлял изюминку. Тема снова посмотрел на будку. Пес умер еще в 1999-м, а воспоминания-то живы. Поэтому Артем, шагая вплотную к дому, приблизился к входной двери. Еще раз оглянулся – из будки никто не вышел. Ни живого, ни мертвого Цербера больше не было.

Ключи ему передал помощник нотариуса еще в Новомосковске. Сама нотариус куда-то отъехала – не то в Богородицк, не то в Кимовск. Артем не расслышал, да

ему, если честно, было наплевать – женщина или мужчина скрывается под этим канцелярским званием «нотариус», а уж где она – и подавно. Но помощник считал должным вместе с ключами всучить ему ненужную информацию. Рассказав Артему все это, он даже вздохнул, потом сказал, что, как только нотариус вернется, они ему позвонят. Снова вздохнул, развернулся и ушел. Артем, возможно, остаток дня пребывал бы в легкой прострации от болтливого помощника нотариуса, если бы не зашел в магазин. Лидка с ее познаниями, где жмакать, а где стукать, стала человеком дня.

Он открыл обитую потрескавшимся дерматином дверь и вошел в небольшую прихожую. В ней располагались две двери. Прямо – хлипкая, сколоченная еще дедом дверь вела в кладовую. Налево – добротная, практически такая же, как входная (разве что обивка выглядела новее), – в основной дом.

Артем потоптался перед дверью, не решаясь войти. Возникшее желание уйти заставило отдернуть руку. Уйти прямо сейчас, плюнуть на наследство и жить, как жил раньше. Без дома, без родителей, без ласки матери и заботы отца, без уюта. Бабуля пыталась создать уют, в какой-то мере Артем даже чувствовал теплоту, но хозяином ему там не давали себя почувствовать. Внук, приехавший погостить на лето, не больше. А когда бабуле на седьмом десятке приспичило замуж, в ее однокомнатной хрущевке жить стало просто невыносимо. И Артем решил перебраться в студгородок в общагу. Там его и нашел отец. Не сам, его письма. Скорее всего адрес дала бабка.

Отец писал каждый месяц. Артем сначала выбрасывал послания, ему было наплевать на убийцу матери. Потом все-таки он читал их, но отвечать просто не мог.

Артем решился и дернул за ручку. Он надеялся, что дверь окажется закрытой, а подходящего ключа не найдется в связке, переданной ему помощником нотариуса. И тогда он, облегченно вздохнув, уйдет из этого дома. Но дверь открылась, и на него пахнуло затхлостью. Чувствовался еще какой-то запах, но он был едва ощутим.

Артем шагнул в комнату, когда-то бывшую террасой, а впоследствии перестроенную в столовую. Из нее был вход на кухню и в основной дом. Артем замер у двери в кухню, боясь заглянуть в помещение из его кошмаров. Из кухни не доносилось ни звука, но ему почему-то казалось, что там кто-то есть. Он опустил сумку и резко повернулся, ожидая увидеть самое страшное. Кухня была

пуста. На месте ванны в правом дальнем углу стоял облезший табурет. Когда-то синяя краска вздулась и полопалась, превратив предмет мебели в мертвеца в струпьях.

Ванну наверняка выбросил отец. Она ему напоминала о совершенном им преступлении. Артем шагнул через порог, но тут же передумал. Успеется. Развернулся и вышел. Он обязательно привыкнет и к кухне, и к дому.

Коридор за широкой дубовой дверью всегда страдал от недостатка света. Мрачные тени ползали по стенам, оклеенным ДВП со структурой дерева. Ощущение из детства. Он его не забыл. Артем также помнил, как усмирить тени, как заставить их скрыться. На время, ненадолго, пока он не войдет в свою комнату. Выключатель находился справа, на уровне плеча. Артем протянул руку и надавил пожелтевшую клавишу. Коридор тут же осветила тусклая лампочка. Оптимизма свет не прибавил, но, по крайней мере, тени разогнать смог.

Артем непроизвольно глянул вверх. Потолок отсырел. Подшитый фанерой, он не выдержал проверки временем и провис пузырем. Отцу, видно, было не до этого. Не до дома вообще. Артем боялся, что и ему будет так же не до потолка, не до облезших дверей, что и он не покажет себя настоящим хозяином.

Его спальня была за правой дверью. Тут, перед самой дверью своей комнаты, он словно впал в ступор. Краска потрескалась и была похожа на отшелушившуюся кожу больного псориазом. У Артема возникло чувство брезгливости. Его затошнило, причем так, будто он ехал в переполненном автобусе на заднем сиденье. Но головокружение и тошнота ушли так же быстро, как и появились. Осталось только отвращение, но и оно начало угасать. Артем поднял руку и, не раздумывая, толкнул дверь.

Первое, что ему пришло в голову, это то, что не было никаких двенадцати лет, будто он действительно оказался в своем детстве. Справа у окна стояла кровать и шкаф, а слева письменный стол. Артем прошел к столу и, выдвинув мягкий стул, сел на него. Под стеклом лежала фотография маленького Артема на синем веломобиле, открытка «С Новым, 1997 годом!» и несколько стареньких марок различной тематики. Он перевел взгляд на книжную полку. «Приключения Гулливера» и «Остров сокровищ» спокойно уживались рядом со «Спрутом» и «Джейн Эйр». Он не помнил, чтобы читал последние две, но вот «Гулливера» и «Остров» – от корки до корки. Перед книгами стояла модель «РАФ-2203» с открывающимися дверцами. Артем взял ее. Как новая. Вообще в комнате было

все как новое, все осталось как прежде.

Он лег на кровать, поставил машину на грудь и предался воспоминаниям, которые, надо признать, были не столь приятными.

Было ему тогда лет девять, не больше. Жажда обмена присуща наверняка всем детям. Если не всем, то большинству точно. И Артем как раз был из того самого большинства. Поменял он тогда свою цельнометаллическую модель «рафика» на пластмассовую Alfa-Romeo и пару солдатиков. Ох, лучше б его тогда поругали, а еще лучше побили! Вместо этого отец завел его в детскую, усадил на кровать, а сам сел на стул. Он не кричал и не размахивал руками, а просто и доступно объяснил невыгодность этой сделки. Артем в ту ночь не спал, а утром пошел и потребовал вернуть его вещь. Но бывший хозяин Alfa-Romeo и солдатиков не внял просьбам и мольбам (для него-то эта сделка была более чем выгодна). Тогда Тихонов перешел к угрозам, не свойственным детям его возраста. Он не кричал, что скажет маме, да и не обещал в милицию побежать. Артем просто пригрозил, что убьет мальчишку, если тот не вернет его игрушку. Дальнейшее могло произойти по нескольким сценариям, но произошло то, что произошло. Так как оппонент Тихонова был на пару лет его старше и крупнее раза в три, он не стал размениваться на разговоры, а просто врезал Артему по лицу и спокойно ушел домой.

Тихонов не помнил, сколько раз ходил за своим «рафиком» и сколько оплеух он получил, но догадывался, что эти числа прямо пропорциональны. В итоге его настойчивость была вознаграждена. Как-то услышал их разговор на повышенных тонах старший брат успешного предпринимателя. Он-то все и разрешил. Артем получил назад свою модель, а за моральный ущерб солдатиков.

«РАФ» тихонько скатился по груди к плечу, Артем дернулся, и модель упала на так и не разобранную сумку. Тихонов уснул. Разбудил его звонкий лай, доносившийся со двора. Артем встал, поднял машину и поставил на полку. Лай усилился. Тихонов мотнул головой, приходя в себя. Он прошел в столовую и посмотрел в окно. Во дворе никого не было. Теперь лай раздавался из прихожей.

– Сынок!

Прошло больше десяти лет с тех пор, когда он слышал голос отца в последний раз, но он его узнал. Голос отца на фоне собачьего лая был едва слышен.

– Отец, ты где?

– Сынок, не выходи, он убьет тебя!

Артем подошел к двери в прихожую и приоткрыл ее.

– Не выхо… – отец захлебнулся на полуслове, будто ушел под воду.

И тут Тихонов увидел Цербера, сидящего на мужчине. Только это был не совсем он. Глаза пса светились всеми цветами радуги. Тварь бросилась на него, но Артем успел захлопнуть дверь перед гниющей мордой. Цербер, или кто бы то ни был, продолжал лаять и драть когтями обивку двери. Со временем удары стали слабее и реже, но к ним прибавился странный звук. Будто кто по стеклу водил гвоздем. Или… когтем!

Артем посмотрел на окно. Там, прислонившись лицом к стеклу, стоял ужасный старик. Он смотрел сквозь стекло, сквозь Тихонова и длинным ногтем медленно выводил на гладкой поверхности какие-то знаки. Увидев страх парня, старик засмеялся. Артем попятился. Лай и удары в дверь возобновились, а старик начал бить в окно. Он смеялся, отводил назад руки и ударял ладонями в стекло. От этого жуткого действа Артему хотелось закричать. Он схватился за голову и… закричал.

Открыл глаза. Полка, стол, кровать… Он лежал на кровати в своей комнате. Тихонов сел; в ногах стояла сумка, рядом лежала модель «рафика».

Цербер – огромная лохматая дворняга – и при жизни мог напугать кого угодно, а мертвый – и подавно. Артем хорошо помнил, когда Цербер срывался с цепи, а это происходило с завидным постоянством, никто не мог ни войти в дом, ни выйти. Кроме деда. Вдруг Тихонова осенило. А что, если тот дьявольский старик из кошмара его дед? Артем смутно помнил, как выглядел дед, но что-то ему подсказывало, что старик из сна мог быть им. Мертвецы решили запугать его?

Нет! Это просто кошмар.

Артем вышел из дома, прошелся по двору. Уже стемнело. Сон был забыт. Воспоминания детства помогли. Он вспомнил, как с друзьями перекапывал

огород в обмен на то, чтобы ему разрешили погулять. Не весь, конечно, но приличную латку, после которой и гулять-то уже не тянуло. Но друзья не бросали его, как говорится, и в горе и в радости. Артем улыбнулся. Не все так плохо. Ему понравится здесь.

Завтра он планировал встретиться с некоторыми из друзей – с самыми близкими, с которыми в огонь и в воду. Если начистоту, то он потерял с ними связь, как только уехал из города. Но чудны твои дела, Господи. Хвала создателям сайта «Одноклассники. ру»! Артем нашел своих друзей там. Всех до единого. Созвонившись с ними перед приездом сюда, он выяснил, что Серега Карташов уехал в Москву, Сашка Плеханов сидит в тюрьме, а вот Тимофей, Серега и Мишка Скворцов были в городе и с удовольствием приняли приглашение школьного друга.

Артем вышел в огород, постоял, всматриваясь в черноту ночи. Вдруг за последней яблоней он увидел какое-то движение. Присмотрелся – между двумя яблонями… Старик и пес?! Тихонов едва удержался на ногах. Два силуэта очень походили на худого высокого человека и сидящего у его ног огромного пса. Артем напряженно пытался всмотреться в темноту. Сделал один шаг, затем другой. Подойдя к началу дорожки, он понял, что у яблонь никого нет. Никого! Это все из-за сна.

Артем на трясущихся ногах вернулся в дом.

* * *

Тихонов встал раньше обычного. В Туле он, забыв поставить будильник, мог проспать до десяти часов. Здесь же еще не было семи, а он уже на ногах. И не сказать, чтобы ему плохо спалось. Что-то снилось, но он забыл. Единственное, он не помнил, как оказался в родительской спальне. Лег там сразу, как только вошел в дом, или поздно ночью, Артем не знал.

Он вошел в кухню. Надо было умыться да приниматься за дела. Сегодня он решил начать с сарая. Надо было подпереть одну стенку, пока она не завалилась совсем.

Тихонов открыл кран, смочил руки и, взяв мыло, намылил их. В доме была только холодная вода. Горячей не было ни двенадцать лет назад, ни сейчас. Он вспомнил, как мама нагревала два ведра воды и заливала в ванну, стоявшую в углу здесь же. Артем повернулся в ту сторону, где была чугунная ванна. Он даже выронил кусок мыла. Ванны в углу не было. Тихонов не помнил, стояла ли она здесь вчера. Может быть, отец перестал мыться и выбросил ее? Или она прохудилась. Или… Даже если это и так, все равно это странно.

Тихонов выключил воду, вытер руки и подошел к черному пятну на полу. Оно могло остаться от постоянно проливающейся воды. Он присел и потрогал пятно. Так он и думал – сухо. Артем встал и пошел к выходу. Остановился в дверях и еще раз посмотрел в угол. Вдруг ему показалось, что в центре пятна, обняв ноги, кто-то сидит. Какая-то едва заметная субстанция, очень похожая на мираж. Тема дернулся – и видение исчезло. Утренние тени вполне могли сыграть с ним злую шутку, но сердце уже мелко колотилось в груди.

«Надо хоть какое-нибудь корыто принести, что ли. Мыться-то надо», – подумал Артем и пошел переодеваться.

В восемь десять Тихонов в рабочем комбинезоне, с молотком в руке и умной миной вышагивал вокруг сарая. За двадцать минут не было сделано ничего. Тихонов не знал, с чего начать. Теперь, глядя на «старца», он пришел к выводу, что сарай легче сломать и возвести новый. Зайдя в пропахшее плесенью нутро хозпостройки, он только утвердился в своих мыслях. Сломать! И не факт, что он возведет что-нибудь на его месте. Он прошел вглубь. Попробовал поднять лопнувшую балку. Нет. Тут нужен помощник.

– Привет, молодежь!

Артем едва не выронил молоток. Было такое ощущение, что с ним поздоровались из глубины сарая.

– Ау, хозяин?

Тихонов все понял. Стены сарая были тонкими и с огромными дырами, так что с ним вполне могла разговаривать и соседка.

– Иду, – ответил Тихонов и вышел из сарая.

* * *

Они сидели за круглым столом в маленькой кухне. Дом у Галины Анатольевны (Артем вспомнил ее, как только увидел, – она была его учительницей) был старым, но ухоженным.

– Тебе чаю или кофе? Племянница в городе работает. Вот радует иногда.

– Кофе, если можно.

– Конечно, можно. Его все равно никто не пьет.

Тихонов сидел и рассматривал ванну в углу кухни. Вот почему кухня показалась маленькой. Вокруг ванны была натянута стальная проволока, на которой висела полиэтиленовая штора. Тема всмотрелся в мутную пленку. Он пытался понять, сможет ли он увидеть того, кто там, за пленкой. Силуэт или размытые черты обязательно.

– Артем, сахар клади сам.

Он оторвал взгляд от ванны и посмотрел на дымящийся напиток. Бросил два кусочка сахара и принялся методично размешивать.

– Ну, рассказывай, чем занимаешься. – Галина Анатольевна села напротив и обхватила ладонями кружку с чаем.

– Работаю и учусь.

Пожалуй, на этом можно было и закончить. Двадцать два года, а у него ни заслуг, ни наград. Школа, институт и работа в охране. В общем, похвастаться нечем. Конечно, большинство людей так и живет, но Артем почему-то думал, что его время уходит, а он так ничего и не сделал. Он даже не представлял, что должен был сделать, но… В этом-то и была беда. Трудно сделать то, чего не знаешь.

– На кого учишься? – Женщина отпила чай и показала на вазу с конфетами. – Угощайся.

Тихонов взял одну.

– На инженера. Инженера-электрика.

– Молодец. Похвально. В наш век менеджеров и юристов есть еще здравомыслящие молодые люди.

Артем кивнул и положил шоколадную конфету в рот.

– Мне кажется, сейчас все перевернулось с ног на голову. – Женщина печально улыбнулась. – Учителя, врачи, инженеры вынуждены подрабатывать еще где-нибудь, чтобы хоть как-то прокормить семью.

Тихонов отпил кофе и посмотрел за спину Галины Анатольевны. Штора над ванной шевельнулась, будто ее кто-то пытался отодвинуть. Нет, показалось.

– Ну а работаешь где?

Тема отвлекся от шторы и посмотрел на соседку.

– Я? В охране. Сутки через трое. Для учебы удобно.

– Так ты что, на очном?

– Да.

Штора снова колыхнулась. Артем едва не обжегся. Галина Анатольевна заметила его замешательство.

– Что с тобой? – спросила она и, проследив за взглядом, обернулась.

Артем хотел закричать: «Не надо», когда женщина взялась за занавеску. А когда она ее отдернула, Тихонов даже зажмурился, но это не помогло. Он даже с

закрытыми глазами видел мертвеца в ванной.

– Ну, иди сюда, мой хороший.

Тема открыл сначала один глаз. Не с мертвецом же она разговаривает? А потом второй.

– Ты напугал нашего гостя.

Галина Анатольевна держала на коленях большого рыжего беспородного кота. Он громко урчал и ластился, подныривая под ее руку.

– Рыжик писать туда ходит, – пояснила учительница.

* * *

Писать он у нее туда ходит! Артем едва сам не написал. В голову лез разный бред. Он сел у сарая на скамейку и закурил. Сарай он сегодня так и не сделает. Он просто это чувствовал. Лень коварна и постоянно находит оправдания. Одному мне не управиться – раз, у меня нет подходящего инструмента – два, да и как можно работать, когда узнаешь, как погиб твой отец, – три. Последний аргумент оказался в разы весомей первых двух. Когда Тема ехал сюда, он думал, что ему наплевать, как умер убийца его матери. Он хотел быстро разобраться с бумагами и продать дом. И все! Но, услышав рассказ своей первой учительницы, он уже не был так категорично настроен. Нет, продавать дом он не передумал. После рассказа Галины Анатольевны Артем понял, что не так уж и сильно ненавидит отца. Не сказать, что ему было жалко его, но какая-то пустота появилась внутри. Будто потерял родного человека. Родного не только по крови, но и по ощущениям. Словно он и не чувствовал к отцу никакой ненависти.

После смерти бабушки отец оставался единственным родным человеком. Родным, но… Иногда, читая письма отца, он хотел простить его и ответить. Нет, сначала он, конечно, хотел высказать ему все, что накопилось. А накопилось тогда будь здоров. И только потом Артем начинал жалеть себя и отца. Слезно рассуждая о том, что они остались в этом мире вдвоем. Два родных человека, и больше никого. Только один пытался наладить контакт, а второй, словно осел, топтался между двумя чувствами: ненавистью и любовью.

Не успел. Хотел, но не успел. Чаша весов, наполненная любовью к родителю, со временем перевесила чашу с ненавистью. Но было слишком поздно. Отец покинул этот мир, споткнулся и упал в вагонетку с водой. Официальная версия прекрасна. Впрочем, как и все официальные версии. Это ж как надо изогнуться, чтобы перегнуться через край в полтора метра от земли? Даже если вдруг так и получилось, то как можно утонуть в вагонетке полметра на метр? Уснуть? Или умереть, до того как упадешь в воду? Странная смерть – это версия Тихонова, и она, к сожалению, отличалась от официальной.

Артем отбросил окурок к забору Галины Анатольевны. Поднялся со скамейки и пошел к сараю. Несмотря на то, что работа не заладилась с утра, Тихонов собирался поднять хотя бы одну балку.

* * *

Артем услышал лай, когда подставлял чурку под треснувшую балку. Лай раздался так неожиданно, что он даже оцарапал руку о гвоздь. Тихонов, не обращая внимания на боль и кровь, заливавшую запястье, пошел на звук. Но лай больше не повторялся. Да и оттуда он мог исходить? Откуда вообще могла взяться собака в сливной яме в загоне для свиней? Яму засыпали, когда Тема пошел в первый класс. Свиней они уже тогда разводить перестали, а яма была еще одной дырой в полу, из которой беспрепятственно в сарай проникали крысы. Для этих тварей вообще не существовало преград, но лишняя лазейка была подарком грызунам. Артем хорошо помнил их. Наглые, жирные. Он несколько раз заставал их сидящими на столе ночью, когда шел в туалет. Так они, вместо того чтобы убегать, начинали скалиться и лениво отходить. Это мало походило на бегство, скорее обещание вернуться. Может, поэтому Артем их боялся до сих пор.

Он подошел к деревянному люку и хотел дернуть за металлическую дверную ручку, но передумал. Если там притаилась одна из жирных тварей, то без оружия туда соваться нельзя. А если в яме действительно кто-то лаял? Ведь не крыса же? Артем поднялся и осмотрелся. Молоток лежал на верстаке у куска рельса, служащего наковальней. Тихонов подхватил инструмент, вернулся к люку и, не раздумывая, дернул крышку на себя. Ни собак, ни крыс там не было. Земля была плотно утрамбованной, казалось, даже насекомому не проскочить. Он опустил крышку и выдохнул. Теперь Артем был уверен, что мертвый пес не напугал бы его так, как могла напугать живая крыса.

Лай раздался из дома. Тема пошел к выходу. Пес лаял беспрестанно, почти так же, как во вчерашнем сне. Тихонов остановился у верстака, положил молоток и, подхватив топор, направился к дому. Мертвый или живой Цербер, но с топором Артем чувствовал себя уверенней. Кстати, почему он вообще решил, что это Цербер? Может, забежала какая шавка, а теперь отстаивает свои права? Даже если и так, то у кого она может что-то отстаивать? Тема крепче сжал топор и вошел в дом. Как только за ним закрылась дверь, лай оборвался, будто он вошел в звуконепроницаемую комнату.

Цербер сидел на кухне, в углу, на темном пятне, где когда-то была ванна. Увидев Артема, пес ощетинился и зарычал. Тихонов взял крепче топор, но он так и норовил выскочить из влажной ладони. Черная дворняга была настроена напасть. Артем попытался себя успокоить, что это всего лишь очень похожая на Цербера собака. Просто такая же наглая и злая, как он, но живая. Чтобы не сойти с ума, Тихонову было очень важно именно это. С живыми всегда можно договориться, а если нет, то воздействовать физически или убить. Но как убить то, что уже умерло?

* * *

Тварь наступала. Артему почему-то показалось, что Цербер не может сойти с пятна на полу. Когда мертвый пес прыгнул из угла, Тихонов даже присел. Но тут же взял себя в руки и замахнулся топором. Цербер с рыком приземлился в метре от него и тут же, словно шар с водой, разлетелся на сотни капель. Тема уставился на разбегающихся по сторонам крыс. Сотни грызунов, визжа, искали укрытия от злого человека. А Артем только стоял, открывал и закрывал рот, пытаясь вдохнуть глубже. Он даже испугаться не успел. Одна из тварей прыгнула на штанину. Тихонов едва не закричал. Задрыгал ногой, и крыса, взвизгнув, убежала в угол, в котором еще пять минут назад сидел мертвый Цербер.

Тихонов на подкашивающихся ногах прошел в столовую и присел на стул с высокой спинкой. Топор он положил на стол перед собой. Руки и ноги тряслись. Артем не был уверен, что его напугало больше – мертвый пес или живые крысы. Или?.. Что это вообще было? Как мертвое тело может рассыпаться на сотни живых? Несмотря на реальность событий, все это походило на наркотический бред. На белую горячку алкоголика, насильственно отстраненного от спиртного. Галлюцинации? Они, родимые. Артему как никогда вдруг захотелось выпить.

Нет, даже не выпить, а выпить и пообщаться. Он дрожащей рукой достал телефон и уже собирался набрать номер Сергея, когда раздался телефонный звонок. Не глядя на номер звонившего, нажал на зеленую клавишу и приложил трубку к уху.

– Да, – хрипло произнес Артем, – я слушаю.

– А что так грубо?

– Лелька? – недоверчиво спросил Тихонов. – Оля, это ты?

– А кого ты хотел услышать? Стоило тебя отпустить, ты уже шашни с кем-то водишь?

Артем очень хотел отключить мобильник сейчас. Нет, сначала накричать на нее, а потом отключить телефон, забросить его к чертям собачьим. Вместо этого он спросил:

– Ты приедешь?

Она молчала. Сначала Тихонов подумал, что она почувствовала его настроение и теперь дуется, но потом услышал ее голос.

– У тебя все хорошо? Просто мне показалось, что…

Что?! Что мне мерещится какая-то фигня?! Мертвые собаки, распадающиеся на сотни крыс. Артем почувствовал, как на спине зашевелились волоски. Его передернуло.

– Я просто соскучился, – опередил ее Тихонов. – Ты приедешь?

– Я тоже очень соскучилась. У тебя правда все хорошо?

Он до хруста сжал трубку и посмотрел на влажное пятно в углу кухни. Все ли хорошо у него? Если начистоту, он и сам не знал. Ему бы живое общение с живым человеком, вот тогда действительно будет хорошо. Соседка с писающим в ванну котом и алкозависимые друзья не в счет.

– Да, все хорошо, но если ты не приедешь… все может испортиться, – как можно веселее сказал Артем.

Попрощавшись с Олей, он вышел на улицу и сел на крыльце.

– Все может испортиться, – повторил он.

И Тихонов был просто уверен в этом.

Глава 2

Ольга любила его. Несмотря ни на что, Оля любила его. Его боязнь воды приводила в замешательство только незнакомых людей. А для друзей, тем более для Оли, это было всего лишь забавным недоразумением. К тому же фобия Артема не была паническим страхом перед каждой капелькой воды. Дождь и питье из кружки воды из крана он переносил стойко. Тихонов боялся открытых водоемов и ванн, наполненных водой. Что-то из его детства. Он мало говорил об этом, но Оля была уверена – корни фобии из детства.

После разговора с Темой девушка забеспокоилась. Если еще вчера она сомневалась – нужно ли ее присутствие там, в его возвращении в детство, то после телефонного разговора она поняла, что ее участие просто необходимо.

Оля начала сборы в дорогу. Но ей вдруг перехотелось ехать одной за двести пятьдесят километров от Москвы. Кого взять, она долго не раздумывала. Вика и Наташа Сироткины были сестрами. Двоюродными, но, глядя на них, все почему-то думали, что они родные. Оля знала их еще со школы, поэтому не могла понять, что люди находят в них общего. Разные, противоположные, как полюса. Но Ольга их любила. По ее мнению, они очень хорошо дополняли друг друга. А самое главное, Оля чувствовала в них поддержку. То есть с ними она не была одна в любой компании. Странное чувство с ее-то внешностью. Высокая, стройная. И, несмотря на байки о глупости блондинок, она была умна и при этом даже и не думала переставать осветляться. Кто-то говорил ей, что так она очень похожа на Наталью Рудову. Оля была не против. Ей нравилась эта актриса, а самое главное, что эта актриса нравилась Артему. Доставало ли ей ума понять,

что ее возлюбленный смотрит на нее, а видит кинозвезду? Еще бы! Но пока она позволяла ему это делать. Пусть это будет еще одной его причудой, как боязнь ванн.

* * *

Артем остановился и пристально посмотрел на дверь кухни. Он хорошо помнил, что дверь была открыта, когда он уходил во двор. Подозрительные звуки он услышал еще у сарая. Нет, ни лая, ни поскуливания Тихонов не слышал. Было что-то такое… Что-то… будто кто-то неумело пытался укрыться, спрятаться. Теперь, стоя у двери, он отчетливо слышал всплеск воды. Кто-то мылся в ванне.

Очнувшись будто ото сна, Артем дернулся и быстро отошел в сторону от двери. Снова всплеск. Но теперь такой силы, как будто из ванны вылез человек и быстро пошел к двери. Длинные тени на полоске света, бьющего из-под двери, говорили о том, что в кухне действительно кто-то есть. От осознания этого Тихонова бросило в дрожь.

– Черт! – прошептал Артем. – Что происходит?

Но следующая мысль повергла его в шок, куда больший, чем все предыдущие. Тихонов вспомнил, что ванны в кухне нет. Эта чугунная реликвия сейчас раскорячилась под яблоней в огороде. Не могла же она приползти… Ему стало жутко от этой мысли. Он уже явно представлял, как ванна, расплескивая грязную воду, перетаптывалась на своих кривых маленьких ножках. Единственное, что его искренне радовало, так это то, что у нее нет рук (или лап?), чтобы открыть дверь.

Но дверь открылась. Эта чертова дверь открылась так внезапно, что Артем даже присел. Одному богу было известно, чего ему стоило не закричать и не обделаться при этом. Сердце рвалось из груди. Пожалуй, его удары были единственным звуком, который раздавался в мертвой тишине. Тихонов глубоко вдохнул и тут же выдохнул. Потом еще раз и еще. Прислушался. Нет, ни всплесков, ни шагов. В доме было тихо. Он решился и шагнул в кухню. Сердце на мгновение замерло. Соседский кот сидел у пятна в углу и умывался. Увидев человека, кот мяукнул, встал на четыре лапы, выгнул спину, зевнул, а потом медленно побрел к Тихонову. Подойдя к Артему, кот начал тереться о его ноги. Тихонова это немного успокоило. Он где-то слышал, что животные, особенно

кошки, остро чувствуют присутствие нечисти. Артем почему-то решил, что здесь было что-то из низшей мифологии. Барабашка или домовой, а может, и черт с рогами. О грабителях в тот момент он просто не подумал. А если бы и подумал, то тут же отмел бы эту мысль. Что у него воровать? Из ценного – телефон и золотая цепочка с крестиком. Да и то эти предметы как часть его – все время при нем.

Он поднял кота и погладил по упругой спине. Рыжик замурлыкал и подставил голову под руку.

«Может, в этом и причина моей паранойи? Для меня грабитель – больший мифический персонаж, чем домовой, – подумал Артем. – Так что это только моя паранойя».

Тихонов потрепал кота за ухом, улыбнулся и пошел к соседке отдать ей ее питомца. И только когда возвращался назад, он понял, что никакая паранойя не способна закрыть, а потом открыть дверь, при этом напугав до полусмерти хозяина.

* * *

Стемнело. Тихонов прошелся вверх по улице Зеленой до Вахрушева. Там постоял, вспоминая детство. Фонари давно заменили, но он помнил тот, который разбил. Столб, конечно же, был металлическим, почти новеньким, но стоял строго на том же месте, что и двенадцать лет назад. Если бы здесь поменялось все, Артем вряд ли бы узнал местоположение столба, но здесь все было по-старому. Только столбы внесли кое-какую новизну.

Тихонов подошел к фонарю и посмотрел вверх. Тогда они все ходили с рогатками. Грозное оружие стало еще опасней, когда они решили использовать шарики от подшипника и гайки. Убойная сила рогатки стала в разы больше. Так им казалось тогда. Вот именно этот фонарь (точнее, его прародитель) и стал первой мишенью для мальца с грозным оружием. Потом были лягушки, много лягушек. За железной дорогой были пруды с заросшими берегами. Один из водоемов был наполовину заболочен. Вот там и водились эти твари.

Тимофей, Мишка, Серега и Артем с отвисшими от металлических шариков и гаек карманами плелись к топи. Точно. Они называли эту лужу топью.

Топь. Он будто окунулся в эту зловонную муть. Воспоминания о рогатке и счастливых победах над земноводными упорхнули. Теперь он думал о том случае. О случае, когда они едва не потеряли Серегу. Топь будто мстила за своих погибших подданных.

Они уже собирались тогда уходить, когда Серега нашел в кармане последний шарик.

– Я сейчас. Достану еще одну гадину, – сказал Серега и пошел к тому месту топи, где жабы чувствовали себя уж очень вольготно – они, даже завидев опасность, не пытались укрыться.

– Давай только скорее, – крикнул Тимофей. – А то мне и так влетит за отцовские гайки!

– Много взял? – серьезно спросил Мишка.

– Выгреб все подчистую.

– Хреново, – посочувствовал Артем, и тут раздался крик.

Мальчишки даже подпрыгнули. Они обернулись. Камыш скрывал тот берег, куда пошел охотиться Сережа. Артем побежал первым. Сейчас он думал, что, возможно, не побеги он первым в тот вечер, то не боялся бы сейчас купаться в открытом водоеме. Возможно, но… Трагедия, произошедшая с мамой, наложила больший отпечаток на появление его фобии.

Сережка был по пояс в жиже. Он все время кричал. От этого Артему стало еще страшнее, но он нашел в себе силы и подбежал к краю топи. Протянул руку, но Сережа продолжал размахивать руками и кричать.

– Серега, хватайся за руку!

Мальчишка замолчал и потянулся к руке Артема. Их пальцы почти встретились, коснулись подушечками, и тут… Что-то грязное и волосатое вынырнуло из-за спины друга. Артем отпрыгнул и выдернул пальцы из грязной руки Сергея. Артем видел, как болотная тварь нависла над другом и собиралась опустить ему на плечи когтистые лапы. Он видел. Он знал, что если сейчас не вытащить Сережку, то тварь утащит его к себе в топь. Знал, но ничего с этим поделать не мог. Артем был парализован от страха. Он видел, как Мишка или Тимоха протягивает Сережке палку. Тот цепляется за нее, и они вытаскивают приятеля на берег. Сережка и Тема лежат рядом, вот только взгляд Артема устремлен на засасываемую топью корягу. Корягу! Большую, размерами со взрослого мужчину, с двумя ветками (когтистыми лапами) по бокам.

– Да твою ж мать, Артем Андреевич! К херам собачьим, ты испугался до смерти всплывшую из вонючей жижи деревяшку! Ты испугался, а твой друг чуть не умер.

– Молодой человек, вам плохо?

Тихонов вынырнул из сумерек детских воспоминаний в сумерки реальные взрослого (ему очень этого хотелось) парня. Он посмотрел на женщину и понял, что последние слова произнес вслух. На вид женщине было лет пятьдесят, но в свете фонаря он мог и ошибаться.

– Вам помочь?

Артем понял, что все еще стоит под фонарем и держится за столб. Он резко, будто вляпался во что-то гадкое, оторвал руки от серой поверхности и снова посмотрел на женщину. Ее взгляд из участливого превратился в настороженный.

«Она приняла меня за психа», – подумал Тема и убрал руки за спину. Его движения были резкими, какими-то неестественными. Это вполне могло создать о нем впечатление как о ненормальном человеке.

– Что с вами? – Женщина на всякий случай сделала шаг назад.

– Все в порядке. Я уже взрослый, – заверил незнакомку Артем.

Зачем он это сказал? Он и сам не знал, но на женщину это произвело эффект отодвигаемого засова на клетке хищника. Она не стала дожидаться, пока зверь набросится на нее, и поэтому быстро пошла прочь.

– Я уже взрослый, – повторил Тихонов.

Теперь он понимал смысл этих слов. Они значили только одно: сейчас, спустя двенадцать лет, его не сможет напугать какая-то коряга, даже если очень будет стараться.

* * *

Сергей решил навестить Артема. Надо признать, он плохо помнил парня, но после телефонного разговора с Тихоновым вспомнил все, вплоть до разговоров о беременной училке, о сексе и черт знает еще о чем, что их в десять лет ну никак не должно было касаться. Трудно себе такое представить, но Сергей будто вернулся в детство и снова обрел в одночасье исчезнувшего двенадцать лет назад друга. Единственное, что вместе с приятными воспоминаниями всколыхнулся и черный осадок давно забытых плохих. Но ведь их можно и снова забыть. Или нет?

Не так это и просто, как кажется на первый взгляд. Происшествие двенадцатилетней давности мохнатой лапой сжимало душу. Особенно к ночи, и тогда маленький Сережа не мог уснуть без света. А в дождливую ночь так и вовсе прятался в пропахшее нафталином нутро старого шкафа.

Он знал, чего тогда испугался Тема. Он увидел это в глазах друга. И если начистоту, то Сергей подумал тогда, что больше не увидит белого света. Это странно, но тогда он почему-то вспомнил сказку Андерсена, которую они проходили на внеклассном чтении. «Девочка, наступившая на хлеб», показалась ему жуткой, а в тот вечер соответствующей его ситуации. Он боялся, что сейчас, как и Инге, попадет в Болотное царство. Мертвые лягушки…

– Четырнадцать, – прошептал он.

Он вспомнил, что убил четырнадцать лягушек. Это немного. Больше, чем Тема (он попал всего в трех), но зато меньше, чем Тимоха. На нем было двадцать

мертвых лягушек. Он почти никогда не промахивался. Серега был уверен, что попади он тогда в лапы Болотницы и мертвых лягушек, то непременно попытался бы указать на этот факт. Он бы предал друга ради спасения. Тогда, но не сейчас.

Проскурин улыбнулся. Он действительно тогда думал, что Болотница заберет его, чтобы поквитаться за своих подчиненных. Серега даже услышал ее… Да, сначала он услышал ее и только потом увидел, как Тема отпрыгивает назад. Его глаза были как два блюдца, лицо перекошено. Сережка сразу понял, что за ним пришла Болотница. И когда пальцы Темы выскользнули из его руки, Проскурин приготовился держать ответ перед ней за все четырнадцать загубленных лягушек.

Очнулся он уже на берегу. Глаза застилала вонючая слизь. Он смахнул ее рукавом. Сейчас он не помнил, кого он хотел увидеть больше – Болотницу или друзей. В тот момент ему хотелось, чтобы все это поскорее закончилось. Он посмотрел на корягу, торчащую в паре метров от берега в сине-зеленой жиже. Это не Болотница. Это чертова коряга! Сережа откинулся на влажную землю и закрыл глаза.

Как они дошли до дома, он не помнил. Рогатку с того дня он больше не брал в руки. Он ждал Болотницу. Сергей не верил в свою удачу. Она отпустила его, чтобы подкараулить в более подходящем месте, и тогда ему не отвертеться. И тогда он ответит за каждое бородавчатое тело, размозженное шариком от подшипника. За каждое из четырнадцати.

* * *

Да, он был маленького роста. И что? Зато он был хорош в постели. Эдакий маленький гигант большого секса. Так он говорил всем своим немногочисленным друзьям. Свидетелей его похождениям не находилось, да и вряд ли нашлось бы, потому как Тимофей играл со своим «тимошкой» в полном одиночестве. Он представлял себе Лидку из сельпо обнаженной. В его грезах она лежала на морозильнике в магазине. Она медленно раздвигала ноги, при этом ее рука играла с массивными грудями.

– Она не даст тебе, – как-то сказал ему Мишка.

– Давай начнем с того, что я ее еще не просил, – с умным видом отвечал в ответ Тимофей, и он ведь не лгал.

Он действительно не просил, да и не стал бы просить (даже намекать) об отношениях. Во-первых, она была старше его лет на семь, а во-вторых, он был очень застенчивым. Он только в собственных мыслях мог дать фору порносценаристам. Ну и на словах товарищам. Никто ему не верил, но все делали вид, что их друг Тимофей – маленький гигант большого секса.

«Она не даст тебе», – мысль, преследовавшая его постоянно. И ведь, если начистоту, ему не нужны были оргии и постоянная смена партнерш. Ему нужна была одна, всего лишь одна девушка. И ради этого он готов был жениться.

Только спиртное могло расшевелить Тимофея и развязать его язык. Но с Лидкой он снова не мог заговорить. Он приходил в сельпо за добавкой, и все, ступор. Тимофей стоял и смотрел на Лидку, не решаясь произнести ни слова.

– Эй, обрубок! – голос Лидки вырывал его из бессознательного состояния. – На сиськи так будешь пялиться в женской бане, когда с мамой туда пойдешь. Бери, чего хотел, да беги, выгуляй своего «тимошку»! А то он, глянь, ширинку пробьет.

Только после этих слов Тимофей понимал, что все это время смотрел на груди Лидки. Он смотрел, а его «тимошка» рвался в бой. Парень уходил ни с чем, позабыв даже о добавке.

– Жениться тебе надо, – говорил, посмеиваясь, Серега.

Сам-то, сученыш, хрен когда женится. Зачем ему жениться, если у него общение с противоположным полом поставлено на поток? Тимофей даже не смог сейчас припомнить, чтобы хоть одна девушка приезжала к нему дважды. Ему легко говорить – женись! Чтобы жениться, нужно, чтобы хоть какая-нибудь женщина обратила на него внимание. А на него противоположный пол никакого внимания не обращал.

И тут его мысли становились цикличными. Он снова возвращался к своему росту. Тимофей начинал думать о своей блеклости на фоне блеска друзей. Серега под метр девяносто, крепкий и весь в наколках. Сам Тимофей, конечно, не считал тату каким-то достижением, но девчонки от этого пищат – это факт. Вот Мишка,

конечно, особым шармом не блистал. Несмотря на высокий рост, Мишаня был рыхлый, как поролон, – что лицом, что телом. Так что Тимофей смело мог записать друга в свой монашеский орден. Мог бы, но у Мишки была жена. А жена – это не только бигуди и нравоучения. Жена – это еще и… то, чего Тимофею с его «тимошкой» так не хватало.

* * *

Парни пришли к трем. О ночном видении Артем забыл. Стол накрыли за домом у сарая. Тимофей посидел с ними немного, потом, сославшись на плохое самочувствие, ушел домой.

Артем, слегка захмелев, наблюдал за друзьями. Сережка как был болтуном, так и остался. Что-то все время рассказывал, не дослушав собеседника, перебивал. В общем, Проскурин оставался тем же пустозвоном. А вот Мишка изменился. Нет, Артем понимал, что через двенадцать лет мальчик с рыжей шевелюрой не останется тем же, но Скворцов изменился до неузнаваемости. Жидкий чуб зачесан на лысину, пивной живот, обвисшие, словно у бульдога, щеки – все признаки несостоятельной жизни. И это в двадцать три года.

– Ну что, Тема, ты к нам надолго? – спросил Серега.

– Посмотрим, – неопределенно ответил Тихонов.

– Да ну брось ты, Темыч, – промямлил Мишка и хохотнул. Артем только сейчас заметил, что у Скворцова нет зубов, по крайней мере впереди.

– Здесь ни работы, – продолжил Скворец, – ни развлечений.

– А какие тебе еще развлечения нужны?! – взвился Проскурин. – Ты ж и так каждый день в «зюзю».

– Я тебе о культурных развлечениях, а не о повседневной жизни.

– О-о-о!

– Да-да. А я почему каждый день, как вы изволили выразиться: в «зюзю»? Это потому что…

– Это потому что у тебя велосипеда не было, – пошутил Сергей.

– Дурак ты, Серега. – Михаил шутку не оценил. – Это потому что у меня работы нет.

– А кто ж тебе мешал работать на «БиоФуде»?

– Они слишком придирались ко мне, – обиженно проговорил Скворцов.

– Ты слышал? – обратился Проскурин к Артему. – Они к нему придирались! Скворечик, да ты недотрога. Ты ж уже к десяти утра лыка не вязал. Хм, придирались к нему.

– Ладно, братцы, заканчивайте, – вмешался Тихонов. – Давайте лучше выпьем.

Начало темнеть. И страхи подползали вместе с тенями. Артем украдкой поглядывал на ванну под яблоней, на вагонетку у забора. Говорили ни о чем. Вспоминали школьные годы, девчонок. Тема, Серега и Скворечик в пятом классе были влюблены в одну девочку – Инну Лескову. Тогда повезло больше всех Тихонову. Оказалось, что Инне он тоже очень нравился.

– Везунчик, – сказал Скворцов и пьяно улыбнулся. – Ты знаешь, какая она сейчас стала?

– Вот такая телка, – получив отрицательный ответ, произнес Мишка. – Была.

– Ага, хорошо тебя сейчас твоя не слышит, – усмехнулся Серега.

– А что она мне сделает?! – выкрикнул Скворец, а потом тихо добавил: – У нас с ней знаешь какая гармония? Не знаешь? Вот и помалкивай. Ладно, мне домой пора…

Скворцов встал, пошатнулся и снова сел.

– Голова хочет, а задница не дает? – усмехнулся Сергей.

– Хочешь, у меня ложись? – предложил другу Артем.

– Не, я сейчас…

Что именно «сейчас», никто не понял, но это им не помешало тут же переключиться на обсуждение одноклассниц. Артем, кроме Инки, никого не помнил, но после каждого вопроса «Помнишь?» с многозначительным видом кивал. Мол, а как же. Ее-то? Да конечно! Серега тут же пускался в подробные описания физиологических особенностей самых достойных. Артем почему-то думал о Лесковой. «Голова хочет, а задница не дает», – вспомнил он и улыбнулся.

– Слушайте, а где Инка сейчас живет?

– Зачем тебе? – с трудом расставшись с образами прекрасных дам, спросил Проскурин. – Я тут как дурак тебе… Поехали к Новиковой. У нее вот такие. – Серега показал перед собой женскую грудь.

– Инка замужем? – Артем понял, к чему все эти отговоры. – Я же…

– Хуже, – подал голос Мишка.

– Что значит «хуже»? – не понял Тихонов.

Мишка икнул и усмехнулся.

– Хуже – это значить хуже.

– Процентов на шестьдесят, – сказал Серега и выпил.

– Да что вы как… – начал Артем.

– Шестьдесят процентов ожогов.

– Да ладно?

– С месяц назад пошли они в сауну попариться. Вернулась только Инка. Вернулась в таком вот виде. – Проскурин снова налил только себе и тут же выпил.

– Это и не сауна-то, – вставил Мишка. – Так, бревенчатый сруб с каменкой и парилкой.

Артем заметил, что друзья протрезвели вмиг.

– Баня, короче, по-нашему. – Серега Проскурин вздохнул, будто сам там был. – Вспыхнула она, как спичка. Сашке Лебедеву башку так размозжило балкой, что на шее только нижняя челюсть осталась.

– А баня эта не через дом от меня?

Тихонов вспомнил, что вчера вечером проходил мимо участка с обгоревшим фундаментом.

– Да, это она. Была…

* * *

Парни сидели, опустив головы. Алкоголь выветрился.

– Ну, а причины возгорания кто-нибудь знает?

Артем почувствовал какую-то черноту вокруг стола, будто на них в одночасье спустилась ночь.

– Да к херам причины! – вдруг вскрикнул Серега. – Пацаны, как люля-кебаб пережаренный, выглядели, а причина у всех одна. Напились, покурили и подожгли. У нас же так принято – жертва сама виновата. Изнасиловали – слишком короткая юбка, получил лопатой по голове – сам виноват, плохо вел себя весь год, сгорели – а на пачке с сигаретами для кого написано: курение

опасно для вашего здоровья.

Несмотря на утрированность в обвинениях Проскурина, Артем знал, что зачастую так и происходит. Жертву обвинить всегда проще. Хотя случаи возгорания во время попоек куда чаще, чем, скажем, по причине неисправности проводки.

– Ну что, ты еще не передумал ехать к Лесковой? – усмехнулся Мишка и снова икнул.

Серега налил в стакан минеральной воды и подал Мише. Артем даже обрадовался, что ему дали время не отказаться от поездки к Инке слишком быстро.

– Ну так? – Серега хитро прищурился. – Или все-таки к Новиковой? У нее вот такие, – напомнил Серега жестом о прелестях Светки Новиковой.

– Конечно, к Светке, – закивал Мишка. – К Инке мы еще успеем. Она все равно никуда не спешит.

Попытка пошутить не удалась. Парни насупились.

– Придурок! – сказал Артем. – К жене иди.

К удивлению Тихонова, Мишка встал, почти не шатаясь, нахмурился и пошел к калитке.

– Скворечик, ты куда? – Сергей потешался над другом.

Мишка остановился, медленно повернулся к Сереге и Артему. Хотел что-то сказать, но передумал. Махнул рукой и пошел дальше.

– Наши ряды редеют, – улыбнулся Серега и налил водки в две рюмки.

– Я больше не буду.

– Во как! Ну, может, тогда к Новиковой?

Артем пожал плечами.

– Не сегодня.

– Ну ты, брателла, что-то совсем раскис. Неприятная история, но мы-то, слава богу, живы. А? – Сергей толкнул Артема в бок локтем.

Тема улыбнулся.

– И, думаю, поживем еще.

Сергей выпил, закусил лимоном и встал.

– Ладно, тогда я тоже пойду.

Артему вдруг стало страшно. Страшно оставаться одному, но сказать об этом другу он не мог. И только когда Сережка ушел, Артем понял, какой он болван. Ведь можно же было поехать к Новиковой, у которой… Или просто выпить с другом. Болван. Артем посмотрел на сарай, перевел взгляд на темные окна дома. Он боялся, что увидит там, в темноте комнат, старика с когтями, как у казуара, или Цербера, распадающегося на сотни крыс. Ни одна из этих тварей не принесла бы ему спокойствия.

Артем взял уже наполненную рюмку и выпил. Сморщился, а когда открыл глаза, увидел собаку. Большая черная дворняга стояла на углу сарая и виляла хвостом. Испуг от неожиданного появления животного быстро прошел. Тому причиной был хвост. Мертвые псы не машут приветливо хвостами.

– Ну, иди сюда, – позвал Артем.

Взял хлеб, макнул в кашу из костей и желе с запахом рыбы и кинул подбежавшей псине. Она тут же, не жуя, проглотила дар и с мольбой в глазах посмотрела на человека.

– Еще? Да ты прожора.

Артем взял колбасу и кинул гостю. Теперь пес решил насладиться трапезой. Он отделил одно колечко от другого и по очереди сжевал их.

– Ну и как тебя зовут?

Когда пес на мгновение оторвался от еды и посмотрел ему в глаза, Тихонова сковал ужас. Глупая мысль посетила его голову. Он подумал, что пес сейчас без труда произнесет свою кличку, и она десять из десяти будет Цербер. Но пес снова уткнулся в копченую колбасу. И Артем с облегчением выдохнул.

– Будешь Цыганом, а? Все лучше, чем…

Артем понял, что боится называть кличку умершего пса.

– Цыган лучше, – подытожил Тихонов и встал. – Ну что, Цыган, пошли спать.

Надежды на то, что собака сможет его защитить от призраков или галлюцинаций, практически не было. Но от присутствия кого-то живого рядом настроение явно улучшилось. Артем забыл о пожаре в бане, о размозженной голове и об обгорелой однокласснице. Думал, что забыл.

* * *

Она приснилась ему. Сначала маленькой десятилетней девочкой, но почему-то в черно-белых тонах, словно сошла со школьного фото. Не хватало только овала вокруг лица и фамилии под ним.

Они шли по осеннему парку и собирали листья. Артем действительно был влюблен в нее, и это он ощутил снова во сне. Он слушал каждое ее слово, следил за каждым ее движением, но при этом не чувствовал себя ребенком. Артем не заметил, когда и Инна перестала быть ребенком. Рядом с ним шагала красивая стройная молодая женщина. Он именно такой ее себе и представлял. Или нет? Ведь себя очень легко обмануть. Единственное, Артем так и продолжал ее видеть черно-белой. Листья же в ее руках, наоборот, источали ядовитые цвета. Артема это пугало. Будто таилась какая-то опасность внутри красно-оранжевого букета кленовых листьев. Артем где-то слышал, что яркие цвета

служат раздражителями. Это он чувствовал на себе. Вот только его еще раздражала форма листьев. Они напоминали ему окровавленные лапы с когтями.

Инна что-то говорила, но он ее не слушал. Все внимание его привлекали ядовитые цвета в белых руках девушки. Теперь он почувствовал себя ребенком, теперь он им стал. А Инна все говорила и говорила. Ее слова действовали на него гипнотически, но стоило ему взглянуть на листья-лапы, он забывал о присутствии девушки.

Однажды даже он хотел заорать, чтобы она выбросила эти листья, но, взглянув под ноги, ужаснулся. Земля под ними горела – всюду оранжевые и красные листья. Они будто шагали по всполохам пламени. Но голос Инны его успокоил, и Артем снова увидел листву. Она шуршала под ногами, а Инна все говорила. Недавний страх ушел так же быстро, как и появился. Запах осени был настолько ощутим, что его переполняло чувство радости. По-детски непосредственное и такое знакомое, будто и не было двенадцати лет взрослой жизни. Взрослой жизни без мамы и папы. К запаху листьев добавился запах сырости. Не слишком насыщенный, но почему-то неприятный. Будто не дождем и не сырой землей пахло, а гнилыми досками. Подул ветерок, принося с собой дым горящих листьев. Только теперь Артем понял, что Инна замолчала. Она стояла, широко открыв глаза. Листья-лапы сворачивались, словно пытались схватить кого-то, и превращались в высушенную труху.

«Так вот где горит листва?» – подумал Тихонов.

Листья исчезли, теперь это были красно-оранжевые всполохи огня. Грудь и живот Лесковой горели. Огонь переплавлял кожу, жир и лен в черный сгусток. Инна кричала. Точнее, она должна была кричать, но почему-то только открывала рот, словно рыба, выброшенная на берег. Артем очень поздно понял, что бездействует. И если ничего не предпринять, то Инна сгорит. Он схватил ее на руки, совершенно не беспокоясь о том, что огонь может перекинуться на него. Но пламя даже не жгло, по крайней мере, его. Тихонов посмотрел на Лескову. Ее лицо перекосила гримаса боли. Нужно было потушить огонь. Артем осмотрелся. Парка перед ним не было. Он стоял на заднем дворе собственного дома. Ванна под яблоней была кстати. Он подбежал и окунул Инну в грязную, покрытую гнилой листвой воду. Огонь на груди девушки запылал с новой силой. Артем надавил на плечи Инны. Она ушла под воду с головой. Огонь шипел, но не гас. Тихонов надавил сильнее. Голова Инны скрылась в черной воде, а он все давил и

давил. Вода в области лица начала бурлить, словно закипала. А Артем давил. Белые руки девушки схватили Тихонова за рубашку, вырванная с «мясом» пуговица упала в воду. Когда вода затихла и руки девушки безвольно упали, Артем понял, что утопил Инну. Он выдохнул и резко выдернул руки из смоляной воды. Артем, словно иллюзионист, поднял перед собой руки и покрутил ими, показывая зрителю, что в рукавах ничего нет. Только зрителем он был сам, а руки по локоть в крови. Такой красно-оранжевой, как листья, как огонь, как…

Он проснулся от чего-то липкого и скользкого, ползущего по его щеке. Артем открыл глаза. Его лизал огромный черный пес. «Цербер», – промелькнуло в голове, и Тема едва не закричал. Секунды две ему хватило, чтобы совладать с собой и вспомнить, что пса он сам приволок вчера и даже имя ему дал.

– Цыган, Цыган.

Артем почесал пса за ухом, за что был тут же награжден влажным мазком шершавого языка.

– Ну, пошли, чего-нибудь поедим.

Образ черной воды не покидал его. Черной воды и утонувшей в ней Инны Лесковой.

Артем открыл банку рыбных консервов, достал из-под раковины алюминиевую миску и вывалил в нее желе и кости. Цыган принялся за еду, а Тихонов вышел во двор. Из головы не выходила ванна. Он отправился на задний двор. Чугунный монстр на массивных коротеньких ножках стоял на своем месте, под яблоней. Тема подошел ближе. Вода была там, а что было в воде, оставалось догадываться, так как она была черной, будто Тихонов снова вернулся в свой кошмар.

Грязь налипла на края эмалированной ванны. Чернота начала редеть, будто кто-то провел по ней маленькими садовыми грабельками. Будто расческой… Может, это водоросли? Да, на поверхности воды вполне могли плавать почерневшие от разложения тонкие водоросли. Впрочем, Артем о толщине подводных растений мог только догадываться. Но эти были тонкими, как волосы. На секунду… на крохотную долю секунды он действительно увидел волосы. Мокрые локоны разделились надвое, и Артему предстало раздутое и белое, словно

волейбольный мяч, лицо. Несмотря на то, что оно было изуродовано до неузнаваемости, Тихонов понял, кто это. На дне лежала мама. Еще мгновение – и видение пропало. Он стоял у пустой ванны. Сгнившие яблоки и прошлогодние листья покрывали дно. Края в толстом слое пыли, влажной от росы. Артем еще постоял какое-то время, пытаясь прогнать видения и нахлынувшие воспоминания. Мотнул головой, еще раз взглянул на гниющие плоды на дне ванны и пошел к дому.

На грязном краю появился отчетливый след от руки. Будто кто-то пытался встать. Потом невидимая рука соскользнула вниз, оставляя белые борозды от пальцев.

Глава 3

Желание навестить бывшую любимую одноклассницу пропало, как только к воротам подкатил голубой «лупоглазый» «Микро». Пропало все. Даже воспоминания о кошмаре улетучились, когда из машины вышла Оля. В белом топике, обтягивающем приличных размеров грудь. Джинсы с низким поясом не могли укрыть от посторонних взглядов тату ангелочка на пояснице. Какие кошмары? Какая черная вода и грязная ванна? Вот чего ему не хватало все это время.

Артем пошел навстречу Ольге. Осветленные добела волосы туго стянуты на затылке, немного макияжа – все к месту. Может, он ее и любил именно за безупречность во всем? Оля и в учебе, и во внешнем виде была на высоте. Артем не смог припомнить ни одного случая, чтобы он видел ее ненакрашенной, в халате и со всклоченными ото сна волосами. Он часто оставался у нее, но она и в эти моменты была «гладенькая и чистая», как она сама говорила.

– Привет дачникам! – крикнула Оля и улыбнулась.

Артем улыбнулся и махнул ей. Задние двери «Микро» открылись, и из машины вышли Вика и Наташа. И даже появление Сироток, этих болтушек, не могло омрачить сегодняшний день. Вообще, Артем понял, что он в этом доме рад появлению любого человеческого существа. И не только человеческого. Цыган подбежал к нему и улегся у ног. Оля остановилась в метре от него.

– Ты здесь не один?

– Не бойся. Цыган хороший пес.

Артем сам шагнул навстречу девушке и обнял ее.

– Хватит обжиматься.

Вика толкнула их спортивной сумкой и, с опаской посмотрев на Цыгана, пошла к дому. Наташа катила за собой чемодан на колесиках.

– Они что, ко мне жить переезжают? – поинтересовался Артем, когда сестры прошли.

– Нет, но мы погостим чуть-чуть. – Оля улыбнулась и поцеловала Тихонова в щеку.

– Ну да. А в чемодане у нее косметика.

– Ну что поделать? Мы же девушки.

– Не знаю, не знаю. – Тихонов положил ладонь на обтянутую джинсой ягодицу. – Я как раз собирался это проверить.

– Все ночью. – Оля шутливо шлепнула его по руке. – Шалунишка.

– Ладно, пойдем в дом, а то эти шустрые сейчас свою косметику по всем комнатам раскидают.

Они обнялись и пошли к дому. Цыган поднялся, сделал пару шагов вслед за хозяином, потом вдруг остановился. Его взгляд был устремлен за сарай. Люди вошли в дом, а Цыган боялся пошевелиться. Пес пригнул голову, прижал уши и оскалился. Его утробный рык заклокотал, то нарастая, то ниспадая, будто какой-то странный двигатель работал у животного внутри. Хвост предательски юркнул между ног. Цыган присел и начал пятиться. Грозный рык утихал и готов был перерасти в скулеж. Цыган никого не видел, он учуял, что там опасность. Там, за

сараем, пряталась угроза. Это что-то было страшнее подростков с палками и камнями. Цыган собирался сбежать, но он не мог оставить человека. Эта тварь несла угрозу именно человеку.

* * *

О Цыгане Артем вспомнил только вечером, когда они сели ужинать на улице. Вика и Наташа накрывали на стол, Оля готовила в кухне салат. Артем сомневался в благополучном исходе этого занятия, если только Ольга не научилась шинковать капусту своими огромными ногтями. Она на удивление легко согласилась заняться готовкой. Артем не узнавал свою девушку, а не виделись-то всего неделю. Удивительно, но, глядя на нее, на ее стройное тело, он совсем не думал о сексе, как это бывало при прошлых расставаниях, даже на пару дней. Нет, с этим у него было все в порядке. Артем даже был уверен, что сегодняшняя ночь станет незабываемой для них обоих. Но сейчас, в этом доме, он был очень рад присутствию человека, которого он любит. Ее тепло, запах, все это согревало душу и загоняло все его кошмары назад, в ту параллельную плоскость, в которой они и зародились. Что это? Он повзрослел? За неделю? Вряд ли. Атмосфера родительского дома давила на него до тех пор, пока он не понял, что в одиночестве сойдет с ума. Что тут говорить? Если он вчера еще был рад бродячему псу…

Тут Артем вспомнил, что не видел его с того момента, как приехали девчонки. Пес мог уйти по своим собачьим делам. Но почему-то Артем забеспокоился. Он вышел во двор, посмотрел туда, где видел Цыгана в последний раз. Двинулся вокруг дома. У окна детской остановился. Когда Цербер срывался, а отца или деда не было, ни мама, ни маленький Тема не могли выйти из дома. Дед работал рядом, через дорогу, на небольшой насосной. Нужно было только добежать до калитки, а там – через дворик и у насосной. Мама отвлекала безумного пса в окно с одной стороны дома, а Тема вылезал в окно детской, украдкой пробирался до угла дома, а потом со всех ног несся к калитке. Ему все время казалось, что злобная тварь вот-вот его настигнет. Только однажды Цербер его догнал. Зимой. Артем очень боялся поскользнуться, видимо, больше, чем быть разорванным огромным злым псом. Артем замешкался на секунду и в следующий момент почувствовал сильный удар в спину. Он упал, не добежав до калитки одного метра. Причину своего падения он ощутил на себе тут же. Тема вывернулся и оказался лицом к оскаленной морде пса. Но Цербер его удивил. Он рыкнул. Нет, скорее проворчал что-то, а потом лизнул мальчика в нос. Язык пса очень неприятно пах чем-то кислым. Несмотря на то, что подобное принято

считать расположением к тому, кого облизали, Артем не почувствовал себя лучше. Цербер лизнул его так, будто пробовал то, что ему положили в миску. Пробовал на вкус, перед тем как сожрать. И непременно сожрал бы, если бы не мама. Она поняла, что с ее ребенком что-то случилось, и выбежала во двор. Цербер тут же потерял интерес к маленькому человеку. Тема на несколько секунд замешкался и остался лежать у калитки. Его разбудил захлебнувшийся от боли голос мамы.

– Беги, сынок, беги, – кричала она. – Беги!

Артем побежал. Изо всех сил побежал. Он так не бегал, даже когда ему самому угрожал пятидесятикилограммовый мохнатый злобный зверь с адским именем. Он так никогда не бегал, а сейчас думал, что никогда больше и не побежит. Время испуганных мальчиков прошло. Сейчас даже если вдруг и придется испугаться, то нужно соответствовать возрасту и не показывать виду. Иначе это совсем не по-мужски. Но тогда быстрый бег был то, что нужно. И соответствие возрасту, и это был единственный способ спасти маму. Тварь искусала маме руки, едва не откусив два пальца. Почему Цербера не усыпили после этого? Дед не дал. Да и отец как-то вяло заступался за маму. А потом и вовсе поддакнул деду. Что, мол, так и должно быть. Пес должен почитать только одного человека – хозяина. Но в случае с Цербером – им могли управлять и отец и дед. После того случая появился вольер. Цербера выпускали только ночью.

– Беги, сынок! Беги…

Слова звенели в ушах, будто он все еще семилетний мальчик. Из воспоминаний его вырвало утробное урчание. Звук исходил из-под досок, сложенных под навесом на углу дома. Артем медленно подошел к ближайшей подпорке навеса и присел. Он действовал осторожно, потому как понимал, что под досками скорее всего прячется собака. Это самое урчание могло быть только проявлением недовольства. А недовольный пес может усложнить жизнь. Тема снова вспомнил изуродованные Цербером руки мамы. Надо быть осторожным.

* * *

Это был Цыган. Пес забился глубоко под доски и рычал. Причем его недовольство вызывало не все, что движется. Его раздражало или пугало что-то определенное. И Артем, хвала собачьим богам, к этому определенному не

относился. Едва Цыган увидел Тихонова, тут же, оставляя клоки шерсти на побитых временем досках, пополз к нему. Пес обезумел от страха. Он то скалился, то скулил, но все время смотрел на сарай. Его пугало то, что находилось там, или то, что чудилось псу. В любом случае дело дрянь, к тому же страх собаки в момент передался хозяину. Артем как мог успокаивал собаку и себя. Вроде бы получалось.

Тихонов отвел Цыгана к вольеру у калитки. Пес успокоился и даже съел предложенную Ольгой еду.

– Что-то он нервный какой-то, – с опаской произнесла девушка.

– Просто он тебе не доверяет, – ответил Артем.

Впервые с того момента, как маму покусал Цербер, Тихонов произнес это сам. И что самое странное, сейчас он был уверен, что у собаки должен быть один хозяин. А остальным пес может не доверять, остальных пес может ненавидеть. И только хозяин может запретить ему это делать.

– А ты? – Оля посмотрела в глаза Артему. – Ты мне доверяешь?

Тихонов отстранился, пытаясь понять, шутит ли она с ним. Нет, не шутила.

– Подобный вопрос может означать две вещи. Либо ты уже что-то сделала, либо собираешься… И в обоих случаях меня что-то настораживает.

Оля улыбнулась.

– А ты умен не по годам.

– Знаю, детка. Три хрустальные совы – итог работы серого вещества, находящегося вот в этой черепной коробке. – Он постучал пальцем по виску и принял серьезный вид.

– О! Покажешь? Сов покажешь?

– Покажу, – тон Артема стал серьезным. – Только скажи мне, к чему вопрос о доверии.

Оля прижалась к нему.

– Танька через неделю выходит замуж.

Вот оно в чем дело?! Он так и знал, что не обошлось без этой вертихвостки. Таня – сводная сестра Оли. Гонки по вертикали у них начались еще в шестом классе. Танька получала пятерку, Оля не уступала ей и учила чуть ли не наизусть материал, чтобы на следующий день получить две. Танька шла в кино с мальчиком. Оля – с двумя. А теперь Танюша подросла и захотела замуж. Артем должен был догадываться, что именно так это может и закончиться. Сейчас надо будет жениться, потому что так сделала Танька, потом дети. Обязательно трое, потому что у Таньки – двое. Потом нытье по поводу зарплаты Темы, ведь муж Таньки работает менеджером по продажам в автосалоне Nissan и получает вдвое больше. Артему вдруг захотелось найти менеджера Таньки и уговорить его не спешить и подумать. А еще лучше – передумать.

– Да ты что?! – удивление вышло фальшивым. Впрочем, оно таким и было. – А к чему вопрос о доверии? Ты хочешь пойти на свадьбу одна? – Он все еще надеялся легко отделаться. Если она хотела пойти туда одна, то он готов был написать на огромном баннере: ДОВЕРЯЮ.

– Как я пойду без тебя?

Этим вопросом Оля окончательно перечеркнула его свободу и смяла иллюзорный баннер. Плевать она хотела на свадьбу Таньки и на поход туда. Ей нужна была своя, чтоб платье нарядней Танькиного, чтоб жених побогаче… Стоп! Вот тут-то и неувязочка. Он едва ли был богаче студента-первокурсника. Да, ему досталась бабкина однушка в Туле после ее смерти да вот это недавно открывшееся наследство, от которого он избавится, как только закончит с оформлением бумаг. В сухом остатке у него есть городское жилье и, возможно, если удастся выручить за этот дом приличную сумму, у него появится автомобиль. Зная Таньку, Артем с уверенностью мог сказать, что он не чета ее жениху. Оля на начальном этапе поставила не на ту лошадку.

– Тихонов, ты меня слышишь? – Девушка дернула его за рукав.

Артем не хотел продолжать этот разговор. Спасение пришло неожиданно.

– Да у тебя тут вечерина намечается!

Серега Проскурин шел по дорожке с четырьмя бутылками пива.

– Я-то думал, мой друг умирает после вчерашнего, а он тут окружен феями…

– Это фея Оля, – поспешил представить девушку Артем.

– Тихонов, ты увиливаешь от разговора. Мы еще вернемся к нему. Чуть позже. А сейчас, если вы позволите, фея Оля упорхнет. – Она улыбнулась и пошла к девчонкам.

– Фея с коготками? – усмехнулся Сергей и подал бутылку Артему.

– Ага. И с зубами, как у пираньи.

* * *

Они сели на старую скамейку под сосной у калитки. Цыган опять куда-то делся. Но Артем догадывался, где его искать. Может, гости причина его беспокойства, а может, еще что. Какие-то свои псиные заморочки.

– Значит, друг мой, ты попал.

– Да не то чтобы… Я ее люблю и все такое… но выходить замуж только для того, чтобы утереть нос сводной сестре… Не понимаю я этого. Ей же самой потом будет хуже.

– Вот именно это и скажи ей.

– Тебе легко говорить…

– А говорить – вообще легко. Трудно жить по сказанному.

– Философ? – улыбнулся Артем.

– А то! – ответил на улыбку Сергей. – Давай сегодня – выпьем, в баньке распаримся… Мы дальше куражиться, а вы с ней на полочке побеседуете, а потом ты ей между делом и обстряпаешь то, о чем твоя душа скорбит. Мол, я ж не против, мол, тут не надо хвататься за первого встречного. Мол, есть более достойные кандидатуры. Серега, например.

– Губы закатай…

– Ну не знаю, – взмахнул руками Проскурин. – Я хотел как лучше. Женись тогда сам.

Друзья рассмеялись.

– Слушай, Серега. Ты говорил о бане. А далеко она?

– Ну, есть у меня… Раньше где-то здесь была общая баня. Когда ее снесли, бани построили в каждом дворе.

– Нет, не в каждом.

– То есть ты хочешь сказать…

– Да у меня ванна даже на улице. Во дворе, кроме сарая, ничего нет.

– А в сарае смотрел? – с серьезным видом спросил Проскурин.

– Ну, только если она под лопатами в углу. Издеваешься?

– Друг мой, ты не замечал, что внутри сарай меньше, чем снаружи?

Артем задумался и посмотрел на строение у дома.

– Баня вполне может быть одним целым с сараем. К тому же посмотри на трубы.

Тихонов глянул. Раньше он не замечал этого, а теперь отчетливо видел две трубы. Причем если одна была для естественной вентиляции погреба, то вторая была в саже и явно служила дымоходом. Артем даже привстал.

– Ну что, тогда на разведку?

– А что мы теряем?

– Наоборот даже.

Парни допили пиво и пошли к сараю.

Внутри они не нашли никаких дверей. Ни потайных, ни явных. Снаружи сарай действительно казался длиннее, и находиться дверь могла только в одном месте. И это место было завалено досками и спиленными ветками. Артем откинул самую большую, за ней полетел лакированный мебельный щит – скорее всего стенка от шифоньера. Серега включился в разбор завала, когда показалась дверь. Последняя отсыревшая доска обнажила пристанище слизней и мокриц. Девушки, все это время наблюдавшие за парнями, скривились при виде тварей.

Молодые люди молча стояли перед заколоченной дверью. Они напоминали команду первооткрывателей перед зевом неизвестной пещеры.

– Кому понадобилось заколачивать дверь в баню? – вопрос Артем адресовал скорее самому себе.

– То есть то, что ее еще и завалили хламом, тебя не смущает?

Сергей подошел к двери и попробовал оторвать доску.

– У тебя гвоздодер есть?

– В сарае должен быть.

* * *

Цыган дернулся от скрежета, доносившегося от сарая. Пес рыкнул и с тревогой посмотрел на людей. Угроза, казалось, витала в вечернем воздухе. Люди сами лезли в логово твари. Цыган напрягся, когда хозяин открыл дверь. Слабый рык раздался под досками за домом. Люди вошли внутрь помещения, но им ничего не угрожало. Угроза была совсем рядом с Цыганом. Он почувствовал присутствие твари. Запах грязи и разложения наполнил ноздри. Цыган заскулил. Пес появился из ниоткуда. Он лежал напротив Цыгана и пытался заглянуть к нему под доски. Морда, изъеденная червями, была покрыта корками запекшейся крови и островками голой кости. Из правого глаза вытекала зеленоватая слизь. Остатки шерсти были грязными и свалявшимися. На левом ухе и на лбу прилипли сухие листья. У Цыгана шерсть встала дыбом. Он зарычал. Сначала тихо, потом громче, словно приближающийся бульдозер. Когда мертвая тварь растянула пасть в ухмылке и высунула сдвоенный язык, Цыган, обдирая шкуру о доски, бросился вперед.

* * *

Артем вошел первым. Странное ощущение. Несмотря на то, что помещение было закрыто не один год, запаха затхлости не было. Пахло деревом и средствами гигиены. Наверное, шампунем или мылом. То есть в бане пахло так, как должно пахнуть после мытья в ней. Очень странно. Еще Тихонову показалось, что помещение внутри больше, чем в себя могла вместить странная конструкция сарая. Но он никому ничего не сказал. Электропроводка была исправной, и выключатель у двери, замкнув цепь, зажег под потолком светильник из трех ламп.

Серега пошел к печи. Он был настроен затопить баню, со всеми вытекающими, разумеется. Впервые с тех пор, как приехали девчонки, Артем начал беспокоиться за сестер. Ну, они девки взрослые, разберутся. Да и Серега не совсем же обезбашенный. Артем очень на это надеялся. Друзья неразлейвода в десять – это замечательно, но двенадцать лет разлуки могли их изменить до неузнаваемости. Серега Проскурин, по сути, был тем же Серегой – заводилой и болтуном. Но это могло быть ширмой, удобной занавеской, скрывавшей что-нибудь преступное. Одного дня знакомства со взрослым Серегой и бутылки водки, распитой под шпротный паштет, маловато для открывания занавеса. Почему он вдруг подумал об этом? Что на него нашло? Пусть их детская дружба умерла, а новая, взрослая, дружба еще не зародилась, это отнюдь не значит, что Серега стал маньяком, насильником и людоедом. Нет, конечно! Но он мог стать

мошенником. Ведь мог? Черт!

«Ты послушай сам себя. Что ты несешь? Мошенники там, где деньги, а у тебя что? Дом? Сарай и баня в одном флаконе? Как думаешь, что именно его заинтересовало?»

– Порядок, – раздался голос Проскурина откуда-то из-за стены.

«Пожалуй, баня ему интересна», – подумал Артем и улыбнулся своим мыслям.

– Я говорю, все тип-топ.

Серега вышел в раздевалку. Лицо и руки его были в саже.

– Можно хоть сейчас топить.

– Не думаю, что это… – начал Тихонов, но его перебили сестры:

– Тема, не жмись. Давай затопим.

Оля подошла и обняла Артема. Он сразу ее понял. Она сейчас будет очень корректной. Мол, я понимаю, что ты боишься воды, но нам надо мыться, а у тебя в доме только раковина. Твоя акрофобия может и не проявиться в бане. Черт! Как он устал от этого! Нет у него никакой акрофобии. Нет и не было никогда. Он придумал ее для Оли, чтобы хоть как-то объяснить, почему он не лезет в реку вместе со всеми. Единственное, чего он боялся, так это того, что его кто-нибудь утопит. Или он утонет сам. Поэтому он избегал лезть в водоемы больше лужи. Под душем с ним ничего не случится, да и во время умывания вряд ли кому придет в голову подставить его с открытым ртом под струю воды, чтобы он захлебнулся. И да, он считал, что баня его не сможет убить.

– Давайте затопим.

– Протопи ты мне баньку по-белому, – радостно запел Сергей.

* * *

Лай смел улыбки с их лиц. Парни выбежали из бани первыми. Артем все еще держал в руках монтировку. Сергей схватил на ходу доску с загнутыми гвоздями по краям. Лай усилился. Артем сразу понял, где пес. Он повернулся к навесу и замер. Цыган рвал человека.

– Цыган! – крикнул Артем. – Пошел вон!

Пес недовольно рыкнул и сильнее придавил… Теперь Артем не был так уверен в том, что жертва – человек. Да и жертва ли? Тварь – в ней было что-то и от человека, и от собаки – не уступала Цыгану ни в размерах, ни в силе. И то, что она находилась снизу, еще не говорило о безоговорочной победе пса. Тут Артем понял, что подходить и разнимать животных боится не он один. Все-таки тварь под Цыганом была собакой. Уродливой, с огромными лапами и маленькой мордой дворнягой. Да! Она напоминала ленивца. Смешная, несуразная тварь казалась исчадием ада.

Артем первым вышел из оцепенения. Он замахнулся и бросил монтировкой в рвущих друг друга животных. Цыган отскочил. И тут парни и девушки увидели животное во всей красе. Оно не напоминало ни одну из живущих на Земле и одновременно напоминало всех и сразу. Ухмыляющаяся морда ленивца превратилась в оскалившуюся волка, длинные трехпалые лапы вдруг заменили короткие крокодильи. Благо это продлилось недолго. Тварь вскочила на все еще меняющиеся лапы и скользнула под доски в недавнее укрытие Цыгана. Сергей дернул Артема за рукав.

– Ты видел?

Артем кивнул.

– Слушай, может, это пиво просроченное было?

– Мальчики, это что, собака такая?

Оля подошла к Артему.

– Не пиво, точно, – подытожил Сергей и пошел к навесу.

– Что он сказал? – не поняла Ольга.

– Это он о своем.

Цыган подбежал к Артему и, глядя ему в глаза, сел напротив. Тихонов наклонился и погладил пса.

– Ну, воин, как у тебя дела?

Шерсть была мокрой и неприятной на ощупь, будто пса окунули в сливную яму. Ухо кровоточило, большая рана была на холке.

– Да ты ранен? – Артем присел и еще раз осмотрел голову и тело собаки. Но ран он больше не нашел.

– У тебя аптечка есть?

Хороший вопрос. Лично у него ничего нет. Имелись ли лекарства у отца? Может быть, но Артему было не до них. Оля, увидев его замешательство, произнесла:

– Ладно, у меня в машине есть.

Ольга пошла к машине. Сестры – в дом. Они вообще были, что называется, на своей волне. Либо их не тронуло увиденное, либо они ничего не видели.

– Тема, – позвал Сергей. – Иди-ка сюда.

Цыган зарычал, но за хозяином не пошел. Он, поскуливая, остался сидеть на прежнем месте.

Артем подошел к стоящему на коленях Сергею. Тот нагнулся и посмотрел в нишу под досками. Артем присел рядом. Он делал это как маленький ребенок, с долей страха и множеством фантастических образов чудовищ в голове. Чудовища были настолько четко прорисованы, что Артем уже не сомневался в их существовании в реале. Он даже представил себе, что, склонись они с Серегой еще ниже, и из ниши высунется ухмыляющаяся морда пса-ленивца и заграбастает их своими длинными лапами.

– Смотри!

Голос Проскурина вырвал Артема из призрачных лап чудовища.

– Что там? – И Тихонов заглянул под доски.

– Тут всюду вода…

Серега показал ему влажную руку.

– Вода? – спросил Артем и невольно скривился от отвращения.

Серега пожал плечами, поднес ладонь к носу и понюхал.

– Ну не пиво точно. Но самое интересное… Этой твари здесь некуда деться. Норы никакой нет… Не растворилась же она?

Последняя фраза вызвала улыбку. Но она была невеселой.

* * *

Артем сидел на скамейке за домом и смотрел на навес над досками. Цыган с забинтованной головой лежал у его ног. Пес спал, иногда подрагивая и поскуливая. Он продолжал свою битву. Не найдя под досками норы, они решили заполнить нишу хламом, закрывавшим вход в баню. Девчонки снова хлопотали на кухне. Серега занимался баней. У Артема сложилось такое ощущение, что после происшествия с собакой… Теперь они были все уверены, что чудовище, ранившее Цыгана, было бродячей собакой. После происшествия с собакой друзья боялись оставаться с Тихоновым один на один. Конечно, это могло происходить и из-за Цыгана. Он не отходил от Артема ни на шаг. Но Тихонову казалось, что дело все-таки в другом. Он до последнего доказывал, что это не просто собака, но так и не смог убедить никого. Похоже, только Цыган знал правду.

Мишка с Тимофеем обещали прийти к семи. Вечеринка должна была пойти на пользу. Не только из-за спиртного, тем более он знал, что много не осилит. Ему нужно общение. Да такое, чтобы после него не остаться в одиночестве среди

грязной посуды. Оля будет с ним, да и от сестер не избавишься. К тому же Серега, кажется, неровно дышит к Вике.

Цыган нервно дернулся. Поднял голову и зарычал. Пес смотрел не в сторону навеса, а куда-то за баню. Может, уродливая псина вернулась и теперь наблюдала за ними из кустарника? Артем попытался всмотреться в зеленую изгородь, но ничего не увидел. Пес тоже успокоился. Лег и закрыл глаза. Но тревогу он передать хозяину успел. Тихонов понял, что ему нужно общение с людьми. Он поднялся со скамейки и пошел к дому. Цыган встал, заворчал, искоса поглядывая на баню, и пошел за человеком.

* * *

Серега наколол дров. Дровница находилась прямо под хламом у стены в баню. На удивление, поленья были сухими и готовыми к использованию. Сергей набрал дров и занес в помещение бани. Он увидел в окно, как Артем встал и пошел в дом. Пес сопровождал его. Что-то Тихонов совсем поник, будто это он дрался с неведомой тварью. Серега сам видел, что с животным что-то не то. Уж больно уродливая гадина. Но ведь она могла быть собакой? Могла. Не кошка, не сбежавший из зоопарка леопард, а собака. Бродячая дворняга, коих только в их районе множество. После расселения бараков на 24-й шахте псов прибавилось. Людям давали квартиры, и не каждый готов был взять питомца с собой. Вот и лазили теперь бывшие сторожа в поисках пропитания по дворам. Хорошо хоть на людей не нападали. Напади этот гибрид пса и ленивца на него, Серега бы обмочился, как младенец. Безобразный вид, усмехающаяся морда – это все было от трехпалого ленивца, а вот зубы и расторопность собачьи. Или даже волчьи.

Сергей попытался отвлечься от мыслей о ленивце-убийце и даже уже переключился на Викторию, когда в парилке с грохотом упал тазик. Он машинально схватил топор. Мысли о Вике и возможной дружбе с ней в момент покинули голову Проскурина. Туда вернулись мысли о монстре, намочившем доски при бегстве. А еще он подумал о том, что тварь была мокрой. И это значило, что она выбралась оттуда, где очень много воды. А воды бывает много в бане. Рука, в которой был топор, взмокла. Сергей переложил топор в другую руку и вытер ладонь о джинсы.

Черт! В чане и бочке было пусто, когда они вошли в баню. Баней долго никто не пользовался, и ни ленивец, никакая другая тварь здесь обитать не могла.

Осмелев от собственных логических разъяснений, Серега открыл дверь парилки. Ни таза, ни ковшика. Комнатушка два на два практически вся была занята деревянными полками. Любая посудина, будь она здесь, ни за что бы не ускользнула от взора Сереги. Комната была пуста. Проскурин вздохнул и вышел из парилки. Таз снова упал, только теперь в раздевалке. Сергей был напуган настолько, что не мог даже пошевелиться. Единственное, что придавало сил, так это дневной свет, падающий из проема двери. Ночью бы было страшнее. Ночью бы… Последующее его поразило, заставило усомниться в безопасности дневного света. Тень проползла от входа до противоположной стены. Тень пса-ленивца. Маленькая шишковатая голова вытянулась и стала еще уродливей. Руки Сергея задрожали, и топор выпал из них. Тень кривлялась, подползала, пока совсем не заслонила собой выход. Или Сергей закрыл глаза? Когда он их открыл, перед ним сидел пес Цыган.

– Паршивый пес, – едва слышно произнес Сергей. – Это всего лишь ты?

«И я, – произнес в его голове ленивец. – Напугал-то тебя я».

Серега ясно представлял ухмылку на маленькой морде твари. Только в отличие от настоящего ленивца у смеющегося было множество острых клыков.

* * *

Артем подал руку другу и потянул на себя.

– Что ты тут скачешь, как не в себе? – Тихонов улыбнулся.

Серега пришел в себя и посмотрел на Артема.

– Хрень какая-то мерещится…

С лица Артема слетела улыбка.

– Ты видел ту тварь?

– Да нет, – отмахнулся Серега. – Пива хочу. Уже день к закату, а мы ни капли не выпили.

– Сейчас Ольга съездит.

– Давай сами сходим. Прогуляемся.

– Магазин же за пролеском.

– Вот именно, а ты Ольгу хочешь на машине отправить.

Пауза.

– Ладно, пошли.

Артем почему-то решил, что Серега хочет с ним поговорить. Но разговора не последовало. Они уже подошли к магазину, когда Проскурин спросил:

– Ты тоже видел?

Тихонов не сказать что обрадовался, но то, что хоть один из свидетелей потасовки Цыгана непонятно с кем признал его правоту, заставляло появиться чувству, близкому к радости.

– Я же об этом полдня вам талдычу.

Сергей остановился и посмотрел на друга. Выражение лица говорило о том, что он не понимал Артема. Потом искорка и в глазах просветление. Дошло.

– Да нет! Я не о сегодняшнем… – Он не мог подобрать слово. – В общем, я о другом.

Пришло время Артема делать недоуменную гримасу.

– Давно, – продолжил Сергей. – Мы ходили стрелять из рогатки…

У Артема все похолодело внутри, но он постарался скрыть внутреннее напряжение. Но в этом не было необходимости. Сергей ушел в воспоминания. Они присели за столик, за которым днем наверняка «забивали козла». Проскурин смотрел куда-то вдаль и говорил. Он говорил, а Артем вспоминал. Точнее, он вспомнил давно, но от рассказа Проскурина воспоминания ожили.

– Я знаю, почему ты тогда не помог мне, – произнес Сергей, закончив рассказ.

Беда в том, что и Артем знал. Хотел ли он услышать версию Проскурина? Почему бы и нет? К тому же она, как и его, сводится к одному – Артем Тихонов трус.

– Ты тоже видел ее. То есть ты видел, а я чувствовал.

Артему не нужно было ни соглашаться, ни опровергать. Серега все говорил верно. И они оба это знали. Только Артем не мог понять, почему Проскурин думает, что чудовище за его спиной было женского пола. Но спрашивать не стал. Если захочет, сам расскажет. А Серега захотел.

– После того… ну, после того как Болотница чуть не поквиталась со мной там, у себя… я ждал ее. Я ждал, что она придет и заберет меня в свое царство.

Откуда такие мысли? Даже сейчас, по прошествии двенадцати лет, он знал откуда. Артему самому в каждом дереве на фоне ночного неба виделся тот монстр из топи.

– И однажды она пришла… Ночью, когда все спали, она вошла ко мне в спальню.

Глава 4

Оля отдала блюдо с салатом Вике. Та приняла, фыркнула и понесла на стол, который они поставили под яблоней напротив бани.

– Что не так? – поинтересовалась Ольга, когда Виктория вернулась.

– Тухляк, Оленька. Сейчас твой ненаглядный вернется, оденет нас в телогрейки, обует в калоши и заставит разбрасывать по огороду навоз.

– Откуда такие познания деревенской жизни? – с улыбкой спросила Оля.

– Нет, ну правда. Я уже второй ноготь сломала… Да здесь даже пойти некуда! – в сердцах выпалила Виктория.

– Почему же?

Обе девушки обернулись на голос. Рядом с углом дома стояли двое мужчин. Персонажи для комедийного сериала или парочка для исполнения сатирических куплетов. Один высокий, обрюзгший, с залысиной и трясущимися руками, второй маленький и щуплый, с маленькой головкой и клювиком вместо носа. Воробей воробьем. Оля не сдержалась и прыснула. Она вспомнила, кого они ей напоминают. Два алкаша из фильма «Афоня». Щуплого и маленького там сыграл Брондуков, а вот второго, высокого с обвисшим животом, она не знала. Она бы и о Брондукове не знала, если бы ее отец на советские комедии не подсадил. Колоритные персонажи комедий прошлого века будто и не заметили веселья девушки. Маленький продолжил:

– У нас в Донском есть ночной клуб «Стеллс».

– Да ну?! – Вика округлила глаза. Даже Оля не поняла, издевается подруга или действительно заинтересовалась клубом.

– Ага. Только он с февраля закрыт. Там какая-то дура все провода пообдирала и позасовывала себе…

Высокий пихнул приятеля в бок, и тот замолчал.

Вика вздохнула и развела руками, мол, я так и знала.

– Но можно еще в Новомосковске затусить, – улыбнулся высокий, и на чашу весов его недостатков прибавился еще один – отсутствие передних зубов.

– Так, тусовщики. – Оля решила закончить этот цирк и взять бразды правления в свои руки. – Кто вы и чего здесь ищете?

Ольга даже подумала, что та уродливая собака могла быть их. Может, они ее и ищут?

– Мы? – удивился мелкий.

Оля кивнула.

– Это что за прынцы? – К девушкам подошла Наташа.

– Мне кажется, что это местная достопримечательность, – улыбнулась Вика и подмигнула высокому. У того, казалось, обвисли щеки.

– Мы это…

Калитка ударилась о столб. Девушки и персонажи-пародисты повернулись на звук. По дорожке к дому шли Сергей и Артем. Мелкий и вислопузый обрадовались.

– Мы вот! – уверенно произнес маленький и показал на парней.

– Я уже поняла, – недовольно ответила Оля и сказала подружкам: – Чувствую, вечер будет незабываемым.

* * *

Мишка начал напиваться, что называется, с порога. Артем не стал останавливать друга детства, тем более что детство-то давно прошло и он может сам решать, сколько ему пить. Да даже если и не может, Артему, если начистоту, было наплевать. События последних дней, сегодняшняя битва Цыгана с неизвестным существом и рассказ Сереги о визите Болотницы не давали ему думать больше ни о чем. Мишка пил, Тимофей пытался «склеить» Наташку, Серега вис на Вике, в общем, все шло своим чередом. Ольга пыталась отогнать Тимофея от Наташи. Единственное, кого он не видел, так это пса. Цыган снова сбежал по своим

собачьим делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/zapertaya-dver

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить